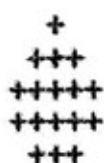

H P O S A

Сама Созонова

К У П О Л

А у т о - п о в е с т ь

Глава I

В Е Л Е С

- Меня тоже так и подмывает повесить этого подлеца, чес-слово. Руки чешутся, и даже больше, чем руки - сердце просит, так ведь противно. И вешать противно, и висеть он будет... пейзаж портить. Ни к чему это...

Велес усмехался слегка просительно, округляя глаза в жалобной гримаске. Он лгал. Ему совсем не хотелось вешать Иштаса. Он облекал свою ложь в шутку, но Симон сейчас не расположен был шутить.

Дернув в ожесточении ртом, Симон усталый свои зеленоватые, слегка навывкате глаза в одну точку. Отключился на время, чтобы парализовать гудящую в нем смесь раздражения и бессилья, и не давать ей возможности действовать. Конечно, Верховник так просто расправляться с человеком не будет. Даже если человек этот - Иштас.

- Пара-ра-ра, па-да, па-да-да...

Песок у берега был грязный. Набегавшая волна оставляла на нем свою пену, мусор свой и текла назад, освеженная. Велес, напевая, обмакивал большой палец ноги в эту пену, потом в волну. Пена пацкала, волна смывала, палец то скрывался под желтоватой накипью, то блестел обновленным блеском. Был вечер, солнце опускалось в море, но из-за слоистых облаков, задернувших горизонт, его не было видно.

- Пойти, пожрать, что ли? - Симон тряхнул головой, выходя из оцепенения, и поднялся. - Пойду.

К столовой, наспех сколоченной деревянной постройке, со всех сторон стекался народ. Фигура Симона, пошатываясь, удалялась, сли-

валась с другими фигурами, одну из них обняла, другую похлопала иронично по заду, и вместе со всеми втянулась в освещенный зев дверей.

Велес посидел еще немного один на берегу. Становилось холодно, тихонько заняли вспухшие, ревматические суставы. Он растянулся на влажных камнях, поднял лицо к небу и представил себя мысленно: худой, небритый, похожий на сутулого паука с угловатыми сочленениями конечностей. Холод становился всё назойливее. Велес поднялся, отряхнул песок из волос и одежды, и пошел туда же, куда шли все — на ужин.

. . . . .

Лиаверис разливала чай.

— Что, товарищ начальник, поужинаем? — приветливо осклабившись, она пододвинула стакан.

— "И Верховники ходят ужинать, — протянул нараспев Велес, — коть и глотки у них как луженые..."

— Лужёные, — поправил Малюс.

— "Хоть и брюха их непробиваемы, — набиваемы они, как и мы". Как сказал Симон, он же Грызун, он же Мальчик.

— Э, нет, — заспорил Малюс, — стиль явно не Симона. Мозги вкручиваешь, начальник.

— Ну да, да, — рассмеялся Велес, — обработка Нелиды. У Симона там было несколько проще. Доходчивей.

— А еще вернее: ты сам сочинил, а на Симона сваливаешь, — сварливо заметила Арша. — Авторитет создаешь. Никто про тебя стихов не пишет.

— Не понимаю! — издав этот возглас, Лиаверис села, опустила руки и пожала плечами. — Не понимаю, для чего ты им позволяешь всё это? Такие стихи, эту сверхфамильярность, это... — Она не нашла слов и замолчала, возмущенно выпятив губы, но через секунду опять заулыбалась, чтобы не терять обаяния. — Это детство какое-то, Велес, ты извини...

Велес смеялся. Он откинулся на стуле и, качаясь на двух его ножках, смотрел, как борются на её лице возмущение и улыбка. Обидевшись, Лиаверис перестала улыбаться и принялась есть, быстро и точно втыкая вилку в мясо.

— Кстати, кто видел сегодня завхоза? — подняла голову от тарелки Арша. — Он мне нужен, никак не могу его найти.

— Утром Будр был, — сказал Жешен, — а после обеда я его не видел.

— Да и в обед он не приходил, — заметил Малюс.

- Пропал...

Велес сначала проговорил это рассеянно и негромко, а потом испугался. Испуг проступил на его лице, и все замолчали. Четыре пары глаз обратились к нему: тревожные - Малюса, с примесью едкого страха - Лиаверис, возбужденно-любопытные - Дешена, вопрошающие - Арши. "Да идите вы, - чуть было не сказал он им, - я-то что могу сделать".

- Найдется, - он демонстративно поднял вилку и вернулся к прерванной еде. - В лесу загулял старик, где же ему еще быть. Выговор влещю, как вернется, чтобы не пугал понапрасну людей.

- Действительно, - нервно заговорила Лиаверис, - никакой дисциплины. Никакого уважения к людям, которые работают, живут вместе...

Велес поморщился. Он предпочитал, чтобы о людях, которые ему нравятся, говорили только хорошее. Старик Будар ему нравился.

Арша вздохнула, положив руки на стол и опустив на них голову.

- Что-то сердце без старика не на месте...

. . . . .

Ужин кончился, но из столовой, как обычно, никто не уходил. По вечерам она становилась клубом, телевизором, посиделками, избой-читальней, молельной...

В центре зала, окруженный кучкой парней, сидел Симон. Покачивая грязной ногой в желтом носке, он оживленно рассказывал что-то занимательное и скабрзное. Велес подошел к ним и сел рядом. Подумав, он вытащил из кармана сигарету и закурил. Курить не хотелось, но изображать на лице заинтересованность рассказом Симона было скучно, а закулив, можно вытянуть губы, откинуть назад лицо и отдаться медленному, красивому выпусканию дыма. Симон дошел до развязки, и слушатели освобожденно рассмеялись. Умел этот парень захватывать своей трепотней, ничего не скажешь.

- Сим, ты Будра не видел? - воспользовавшись паузой, Велес тронул его за плечо.

Симон секунду смотрел на него ословельми глазами, не сразу отключившись от своего рассказа и жаркого смеха приятелей.

- А что случилось?

- Да нужен он... - Велес затянулся поглубже. Симон смотрел на него нагловатыми, ясными, с загнутыми ресничками глазами, и Велес медленно, маленькими струйками стал выпускать дым. - Исчез куда-то, собака.

- Нельку спроси, она с ним дружит, - посоветовал Симон. Он отвернулся и, похохатывая, приступил к очередной серии своих похождения.

"Нельку... Нельку бы неплохо спросить. Одна надежда на Нельку".

Велес оглянулся, ища её глазами. Столовая казалась шевелящейся, тёмной и тёплой от гудящего вораха людей. За столом напротив толстяк Танауги показывал фокусы. Непробиваемое, невозмутимое лицо его и руки странно парили над столом, отдельно от тела. Зрители перебега-ли глазами с лица на руки, с рук на предметы, исчезающие в нетороп-ливых пальцах.

Подальше группа молодежи занималась спиритизмом, крутила блюдеч-ко, положив на его края растопыренные, напряженные пальцы. Бледная, вечно встрепанная и одинокая Зеу со стороны наблюдала за ними, взд-рагивая глазами.

Красавец Губи, сохранивший в свои 38 гибкость длинного, поджа-рого тела, горячую красноту губ из-под реценьких усов и хмельной блеск единственного глаза, старательно затачивал обломком шлифоваль-ного камня столовый нож. В лагере строжайше запрещалось иметь ору-жие, вплоть до перочинных ножей, и именно поэтому Губи затачивал нож не где-нибудь, а на глазах у начальства.

Еще дальше, у самого выхода, опершись затылком о стену, сидел Гатынь. Умное, светлое и отрешенное лицо его проглядывало сквозь ворох темных волос. Столовская кошка вспорхнула, мурлыча, ему на колени, и он, не глядя, теревил её за ухом. Кошка нервно ходила взад-вперед по коленям, испарывая когтями бржки.

Взгляд Велеса скользнул по Губи, Зеу, кошке и Гатыню и, спотк-нувшись, отпрянул назад, словно поранившись о страшное, непонятное, притягательное лицо с перекошенными, спутанными чертами. Велес тихо охнул про себя, погружаясь в щемящее, трудновыносимое состояние. Он смотрел на Иштаса.

"Здравствуй, радость моя", - поздоровался мысленно. Пересилив себя, заставил смотреть спокойно и благодушно. Ни к одному сущест-ву в мире не испытывал он такой смеси интереса, отвращения, благо-говения и боязни. Каждый разговор с этим мрачным, ненавидимым все-ми уродом, каждый необязательный взгляд - вроде этого - были собы-тием. Событием большим, теплым и будоражающим.

Иштас тоже смотрел на него. Велес выдержал взгляд секунд де-сять, внутренне смеясь. "А-ах, собака..." Он медленно успокаивался с разлитой в душе теплотой, как после выпитого в холод вина.

. . . . .

Нельку он обнаружил пишущей, в углу зала.

- Пройдемся, Нель, - Велес взял её за руку и вытянул из-за стола наружу. - Что новенького? Всё пишешь?

В Нельке боррлось недовольство, что её оторвали от дела, с радостью, что нашелся человек, с которым можно поговорить. Говорить она любила.

- Пытаюсь, Велес. Пытаюсь найти какое-то постоянное и сильное применение своим мозгам и рукам. Иначе ведь не выжить на этом острове, верно? - разговаривая, она всегда смотрела в лицо собеседнику выразительными вопрошающими глазами, и не откликнуться на её взгляд, отвернуться было невозможно.

Велес первое время не мог понять, чем эта невзрачная девчонка двадцати двух или трех лет сумела завоевать известность, даже с примесью уважения, всего лагеря. Правда, в ворохе её "литературного наследия" иногда попадались неплохие стихи, чистая строчка среди набора разноцветных штампов, но ведь этого, ей-богу, мало для того, чтобы имя "Нелька" чаще других мелькало в разговорах.

- Сегодня утром слушала, как поет Будар. Ты и не знаешь, может быть, какой у него голос? От зависти чуть не завьяла, чуть не разругалась с ним. Невыносимо завидую тем, кто умеет петь. Всю жизнь ругала и буду ругать маму с папой за то, что голоса не дали. Петь хочу...

Они брели вдоль берега, и Нелька говорила безостановочно, но болтовня её не утомляла и не надоедала, как птичье пение или хрустальный голос воды.

Не далее, как несколько дней назад, Велес понял наконец, что она такое. Нелька отличалась от остальных двуногих тем, что никогда не врала. Ни словом, ни голосом, ни телом. Даже в стихах, несмотря на их какущуюся временами пошлость.

- Понимаешь, вот так открываешь рот и поёшь, звучишь, поёшь себя, понимаешь? - поёшь себя. И всего-то бог не дал нужных голосовых связок. Когда слышишь, как кто-то может, а ты только силно кашляешь, руки на себя наложить хочется, честное слово. Ты не смейся, Велес, я серьезно...

Но особенно поразительно было в ней то, что она всех любила. Нелька была добра, больше того - добра патологически. Сначала это удивляло и настораживало, потом привыкли.. Она дружила с Бударом, спала с Симоном, вернее, числилась его официальной любовницей, но могла спать чуть ли не с каждым, кто испытывал потребность в тепле, сочувствии и успокоении. Ни одна душа не могла бы сказать, что Нелька кого-то не может терпеть или презирает. Непобедимый оболститель Симон не раз во всеуслышание заявлял, что Нелька "единственная из баб, на кого можно положиться", и даже Танауги, абсолютно не нуждавшийся ни в чьем обществе, разговаривал с ней, и даже по-

долгу.

- ... А стихи - это ерунда, это мелочь, узоры. Все равно, ведь эти черненькие буквы, которыми я пацкаю бумагу, ни о чем не говорят, не кричат и не шепчут, ведь верно? И то, что сидит внутри, то, что держит мозг обеими лапами, на бумагу не вылить. Ни за что...

Разговаривая с ней, Велес ловил себя на том, что хочет, чтобы Нелида выделяла его из всех прочих, предпочитала другим. Пусть она спит с Симоном и с остальными, как свободная кошка, пусть гуляет в лесу с Будром, лишь бы быть уверенным, что то, что она говорит ему ~~хорошо~~ и так, как она говорит, она уже никому не скажет. А этого не было. Будь здесь не он, а любой лагерник, даже самый последний уржа, она так же бы светила глазами...

- Послушай, Нель, - он перебил её и остановился, - когда ты в последний раз видела Будра? Он пропал.

- Часов в двенадцать... - Нелькин голос стал гораздо тише. - Мы гуляли в лесу, потом я ушла, а он остался.

Лицо её остановилось, улыбка исчезла. Велесу почти мгновенно передалось её уныние, и он почувствовал себя растерянным и слабым.

- Ну, не паникуй раньше времени, - он тихонько потряс её за плечо, словно пытаясь стряхнуть опутавшую её грусть, вывести из транса. - Если до утра не найдется, пойдем искать. Отыщем обязательно.

Нелька кивнула. Она хотела еще что-то сказать, но передумала. Вдохнув, повернулась и пошла в сторону лагеря. Какая-то собака выбежала из леса и затанцевала возле её ног. Велес медленно пошелся следом.

Со стороны палаток доносился тонкий, всхлипывающий женский вой. Очередной припадок у Зеу. Цепляясь зубами за край брезента, она сползала вниз. Велес видел, как Нелида присела на корточки и положила руку ей на плечо. Зея сбросила руку, и Нелька снова ее положила.

Велес остановился перед корявой сосной и, подпрыгнув, уцепился за ветку. Он раскачивался взад-вперед, растягивая тело так, что мышцы разогрелись и пощипывали. С Будром дело становилось всё серьезнее.

Оно, это место, называлось Лагерем. Принудительно-Поселенческий Лагерь номер 14. Сюда ссылались люди, совершившие самое страшное по законам страны преступление — убийство. Независимо, по каким мотивам оно совершилось — нажива, месть, ярость. Убил ли ты врага, белея от гнева, или хладнокровно зарезал жертву — суть одна: ты посягнул на жизнь. И наказание за это было самым сильным — изоляция и вечная ссылка.

Осужденные большими группами вывозились на острова. Прозрачный андер-волновой купол, пропускающий дождь, ветер и солнце, опускался с вертолета на остров, отгораживая, выделяя его из остального мира.

Первое время с ними находились несколько организаторов, за два-три месяца налаживающих внутреннюю жизнь лагеря. С их отлетом изоляция становилась полной.

Велес, Будар, Малюс, Лиаверис, Лешан и Арша — шестеро свободных, временно пребывающих среди сотни извергнутых из общества. Шестеро наделенных Защитой, дающей им возможность спокойно и безопасно делать свое дело.

Велес к своим 27-ми годам побывал в подобных экспедициях восемь раз, причем два последних в качестве начальника. Здесь, в лагерях, утолял он свою жажду нового. Из-за слабого здоровья он не мог податься в путешественники, авиаторы, авантюристы, не мог переживать события жгучие, смертельно опасные, потрясающие всё существо сверху донизу. Велес стал жить людьми. Разными, как бесчисленные уголки земного шара, интересными, как они же, и временами опасными, хоть и не смертельно. Жить людьми, окунаться в них, узнавать, любоваться, негодовать... Представляя порой, как когда-нибудь он будет жить спокойно, как все люди, возвращаться после работы в одну и ту же квартиру, к одной и той же жене, — Велес содрагался смутной, зигзагообразной судорогой и быстренько переводил мысль на другое.

Малюс, врач, был человеком безукоризненно исполнительным и собранным. На острове он чувствовал себя явно не в своей тарелке. Людей, его населявших, он причислял к существам из иного мира, и ощущал себя не столько врачом, сколько ветеринаром. Прилежно, но тщетно пытаясь сработаться с Велесом, он никак не мог привыкнуть к алогичности его поступков и раскованной небрежности суждений. Своим участием в экспедиции он был обязан жене Лиаверис, точнее её

внезапно всплывшей потребности в риске. Лиаверис вполне искренне полагала, что в лагере, населенном сотней убийц, их на каждом шагу будет подстерегать кровавая опасность, и экзальтированно встряхивая головой, клялась пройти через всё, всё пережить, поскольку вообще человек в своей жизни должен испытать всё. По профессии она была психологом, и Велес должен был прислушиваться к её выводам, кто из осужденных лидер, а кто отвергаемый. И он добросовестно слушал, хотя кроме банальных, известных всему лагерю положений, ничего не узнавал. Работой своей она была увлечена, мучала людей бесконечными тестами, кокетничала с мужчинами, достигшими 20-летнего возраста, и следила за собой.

Их сын-подросток, Лешен, был взят матерью для приобщения к взрослой, суровой и напряженной жизни. В лагере, в отрыве от своих сверстников, он явно скучал. Арша, желая пробудить в нем непроклюнувшийся ум, заводила по вечерам беседы на свободные темы, и Велес вылезал иногда послушать, о чем они говорят. Было интересно слушать, о чем говорит Арша, оживляясь и розовея, иронизируя и смеясь. Она вообще была интересной женщиной: не старой, несмотря на свои сорок пять лет, спокойно-ироничной и мудрой. Еще она обладала способностью пьянеть ни с того, ни с сего — от одной сигареты, от чая, от разговора. Она становилась доброй, взбалмошной, с искрящимися глазами и прерывистой речью.

Будр, исполнявший обязанности завхоза, распространял вокруг себя непонятное, зелено-тёплое поле. Работу свою он выполнял походя, а большую часть времени шатался по лесу или уплывал в море и торчал где-нибудь на одинокой скале. Дожив до старости, он не имел ни жены, ни детей, ни собаки.

Все шестеро работали слаженно, без особых конфликтов. Велес почти не пользовался своей властью и предоставлял каждому проводить время по своему усмотрению. Львиная доля работ была сделана, и скоро им предстояло вернуться на вертолете домой, на Большую землю.

Перед отлетом Верховник должен был выбрать правителя острова, который наделялся Защитой и Оружием. Это было единственным подобием государственной власти, которым удостаивались ссыльные. Врач производил небольшую операцию, после чего новоявленный правитель обретал пожизненную безнаказанность и неуязвимость. День отлета экспедиции лагерники ждали с нарастающим волнением и тоской. Они знали, что как только улетит вертолет и опустится колпак, лагерь перестанет быть лагерем, а во что он превратится, зависело от того,

кому достанется власть. Чем ближе бы последний день, тем острее и жарче крутился в головах людей этот кровный вопрос.

Велес пока молчал. Он пресекал разговоры на эту тему или отшучивался. Никому из лагерников не хотел бы он вручать игрушку, способную убивать. Но оставлять лагерь без власти было еще хуже. Надо выбрать и поставить над этой кучкой людей бога, по возможности разумного и не злого. Надо постараться, чтобы жили они как можно менее паршиво, и это в его силах.

Глава 3

З Е У

"...Почему существует болезнь "горе", "тоска", "депрессия" и нет болезни по имени "радость"? Почему не нападает на меня внезапно приступов беспричинного веселья, а только боль, одна боль, выдавливающая из глубины длинную, хриплую полосу рыданий? Только боль, которая каждый раз кажется невыносимой и с каждым новым разом делается еще невыносимей?.. И почему поводы для рождения боли такие разные, а сама она откровенно одинакова и монотонна?.. Мне - нечем!.. Мама... если бы тебе хоть частицу этого испытать, хоть один раз, ты своими руками бы затянула петлю на моей шее (хоть частицу!) Верни мне мою смерть, мама. Мне - некуда, это болезнь..."

Зеу сначала думала обо всем этом, потом писала. Она писала всегда одно и то же, с небольшими вариациями, стараясь выречь мысли лаконично и красиво. Ей делалось легче.

Вконец измученная жизнью и измучившая жизнь, она ругала и кляла свое существование, судьбу, так жестоко поступившую с ней. Ругала мать - за то, что она родила её слабой. Ругала жизнь - за то, что та набросилась на неё, как волк на больного, идущего в стаде последним, оленя.

Иногда ей становилось легче, она оживлялась, ходила по лагерю, блестя глазами, но все знали, что это ненадолго, до нового приступа, и все вокруг ждали, когда же она покончит с собой и каким способом. Кроме Нельки, которая не ждала этого, а пыталась всеми

силами вытащить её из колодца смерти.

Будь это на Большой земле, Велес давно бы взял её за руку и отвел к психиатру. Пусть её лечат гипнозом, уколами, чем угодно, даже электрошоком, при котором погибает куча нервных клеток. Пусть её мозг тряхнет хорошенько, и она поглупеет и станет забывать имена и телефоны — лишь бы жила, и не ныла, и улыбалась. Велес сам бы водил её на сеансы электрошока и обратно, но на острове вести было не к кому.

. . . . .

Зеу проснулась полчаса назад и лежала, прислушиваясь к своему состоянию. После вчерашнего приступа во всем теле осталась противная ноющая слабость, и ноги, когда она встала и сделала пару шагов, остушились и задрожали. В палатке все еще спали. Утро протягивало сквозь щели и в двери свои тонкие руки в виде сквозняка и солнца.

Зеу оделась и вышла на улицу. Яркая, солнечная, ежедневная картина утра тотчас отозвалась в ней тупым отвращением. Это чувство было так же привычно, как само утро, влажные деревья, каменистая тропинка под ногами и ноги, идущие сами собой, отдельно от неё, не разделяя и не принимая участия в её тоске.

Зеу вышла на берег, опустилась на гальку и протянула кисти рук в слабенькие, холодные волны. "Труп, чувствующий тоску, — подумала она о себе. — Лучше быть просто трупом". Цветные, обкатанные морем камушки лежали возле лица, и их хотелось взять губами.

Минут через сорок лагерь стал просыпаться. К этому времени внутри у нее стало тихо и бесцветно, а руки занемели от воды. Из палаток вылезли первые, проснувшиеся люди. Зеу подняла голову и стала смотреть на одну из палаток, третью во втором ряду. Она смотрела напряженно, не моргая, так что палатка раздвоилась, расщепилась, разбежалась в разные стороны. Потом снова сбегалась в одну, и из нее вылезли две мужские фигуры. Одна из них, высокая, с плоским и даже втянутым животом и ногами, похожими на ноги ножниц, засеменяла вниз по тропинке. Это был Губи, как всегда поджарый и бодрый. Второй мужчина, стоя на пороге, морщился и смотрел на солнце, одной рукой почесывая себе грудь.

Как только он вылез, и его загорелая, сильная, со стриженной головой и короткой шеей, фигура появилась, вернее, впечаталась в поле зрения Зеу, мир изменился. Не было уже ни спокойствия, ни отвращения, ни свежего утра, ни голосов просыпающихся людей. Осталось одно тягостное, стонущее состояние несвободы. Сорвался с привязи и

завертелся весь её измученный внутренний мир — вокруг самца с порочным разрезом зеленых глаз и широко ухмыляющимся, самовлюбленным ртом. Все силы её души, все стремления тела были направлены на него, к нему... И мира, кроме него, не существовало, и свободы не было вообще.

. . . . .

За завтраком в столовой царило нездоровое оживление. Нелида выглядела невыспавшейся и злой.

— Пропал Будар, — заявила она, с отвращением намазывая масло на хлеб. — После завтрака пойдем искать.

От волнения она совершенно не могла есть, и у Зеу под её сумрачным взглядом тоже пропал аппетит.

За столом у начальников было непривычно тихо и подчеркнуто-спокойно. Один Велес казался суетливее обычного, его нервная, ироничная фигура двигалась почти непрерывно. Малюс молчал. Лиаверис говорила мало, настороженно поводя глазами по оживленным лицам за соседними столиками. Арша тихо насмешливалась сквозь зубы.

— Какой он разный, Велес, — рассеянно поразилась Нелида, следя за движениями его беспокойного тела, — и сегодняшний он совершенно не похож на всех предыдущих...

За остальными столами было почти радостно. На многих лицах сквозь общее для всех возбуждение проступало торжество и довольство. Нельзя сказать, что старика Будра не любили в лагере, но то, что в стане начальников не всё благополучно, что Велес бегаёт как ошпаренный, было само по себе неплохо.

— Он просто дурачит всех, мужики. Ему осточертели наши рожи и захотелось покоя. Вот увидите, он скоро явится как ни в чем не бывало, — вещал Симон, озорно ослабившись и заняв, как всегда, центральное место в кругу парней.

— А если не явится?

— Куда же он денется? Предположить, что старик утонул, я не могу: он плавает, как рыба, заблудиться здесь негде...

— Э, нет, бросьте, мужики, — вступил в разговор Губи, чей глаз всегда так блестел, а губы раздвигались в такой улыбке, будто он находился во власти хмеля, хотя на острове не было ни капли спиртного, — старик не дурак, чтобы отпускать такие шуточки. Его замысел глубже. Ему понравилась здешняя привольная жизнь. На Большой земле, сами знаете, народу — не продохнуть, начальство на уши давит, а старик свободу любит, воздух свежий. Он вылезет, когда начальство уедет, и будет себе жить.

- Значит, добровольно замурует себя под колпаком? - Гатънь вопросительно поднял пушистый подбородок и посмотрел на Губи недоверчиво.

- Замурует, - Губи кивнул головой и прищурился.

- На всю жизнь?

- Какая жизнь! Какая жизнь, ребята! - радостно заорал Симон. - Ведь ему за шестьдесят, здесь он помрет спокойно. Губи, ты гениально мыслишь! Как я сам не догадался...

- А мне кажется, он уже умер, - Танауги произнес это равнодушно и тихо. Он никогда не спорил, но если говорил что-нибудь, то так бесстрастно и непререкаемо, что окружающие на мгновение замирали.

- А как же Зацита? - после секундного затишья раздался вопрос. Танауги пожал плечами.

- Да иди ты! .. - внезапно разозлился Симон и отвернулся. - Старик Бупр еще тебя переживает и могилку твою утрамбует. Чтоб спал спокойно...

Нелька сидела, зажав голову руками. Все эти разговоры звучали совсем рядом и назойливо лезли в уши.

Зеу как всегда молчала. Она проводила в молчании большую часть жизни, потому что, заговорив, могла чаще всего только жаловаться и ныть. Люди этого терпеть не могут. Им кажется, что если человек жалуется, то он лицемер и попрошайка, другим живется не лучше, а гораздо хуже, и они не ноют. И если на первое нытье посочувствуют, на второе промолчат, то третье вызовет такой приступ раздражения, что поневоле прикусишь язык и приучишься жить молча.

Симон отделился от толпы парней и подошел к их столику. Наклонившись, взял за плечо Нелиду и заговорил что-то ей на ухо. Губы его, сладко улыбаясь, говорили Нелиде, а глаза пролетали по женщинам, сидящим за столом. Взглянув на Зеу, он подмигнул ей ласково, и от этого знака внимания она еще больше помрачнела, чувствуя, как кровь гудит в ушах и сердце стучит, как лапы бегущего кролика. Этот человек властвовал уже не снаружи, а изнутри её. Он проник, пропитал её насквозь так, что она была уже наполовину им. И, встречая глазами его шальную, размашистую фигуру, она захлебывалась в ноющей боли. Так могла бы болеть рука, которую отрезали от тела и которая видела, как тело гуляет одно, без неё, на свободе.

Нелиду явно злило то, что говорил Симон. Она несколько раз огрызнулась на его слова, и чем злее огрызнулась, тем ласковее становилось лицо Симона и шире улыбка. Наконец, она сдернула с плеча

его руку и отвернулась. Симон с покосившимся лицом отошел. У столика парней его лицо выпрямилось, но из бесшабашно-веселого стало озабоченным.

У выхода из столовой Белес собирал поисковую группу. Зеу подошла тоже. Белес покосился на неё недовольно, но ничего не сказал. Зеу чувствовала, что он боится её, вернее, не боится, а опасается, как опасаются непонятных зверей, созданных и живущих не по нашим, а по каким-то другим законам. Он явно не хотел, чтобы она шла со всеми, но говорить ей об этом не хотелось еще больше.

Из столовой неторопливо вышел Губи, постоял минуту на крыльце, покачиваясь на носках, взвешивая все за и против, и присоединился ко всем. Подошел Иштас. Белес, почему-то отведя глаза и пожившись, приказал ему остаться в лагере. Иштас промолчал, и Белес поднял глаза. Секунду они смотрели друг на друга, и Зеу показалось, что глаза у них одинаковые — круглые, желтые, наполненные ужасом, или мольбой, или смехом. Иштас повернулся и ссутулясь пошел в лес один. Его ненавидели все в лагере, а Симон — просто исходил бешенством, скрипя зубами и вращая белками глаз.

. . . . .

Зеу шла медленно, плавно переставляя ноги, будто причесывая ступнями траву. Белес предупредил, что смотреть надо внимательно, не пропуская ни одного квадратного метра. Впереди слева шла Нелида. Её ноги мелькали в левом глазу Зеу, и она чувствовала, как нарастающе раздражают её эти ноги. Они были слегка толстоваты ниже колен, но Зеу называла их про себя не иначе как "безобразно толстые". "У неё безобразно толстые ноги, разве ты не видишь? Как ты можешь целовать женщину, у которой такие ноги?". Она разговаривала мысленно всегда с одним и тем же собеседником, и он никогда не отвечал, а только жмурился самодовольно, прикрывая веками наглые, выпуклые, ослепительные глаза. Ей казалось, что шея его всегда тепла не от солнца или крови, а от объятий бесчисленных женщин, и от этого же такая округлая и гладкая.

В самом начале, как только Зеу познакомилась с Нелидой, она называла её про себя самой лучшей и стоящей из всех женщин, девушек и баб лагеря. Восхищению и любви не мешала даже полная атрофия чувства стыда, которой отличалась Нелька и которая в любой другой женщине вызвала бы у Зеу брезгливое негодование. У Зеу не было и не могло быть подруг, но Нельку она включила в тот узкий круг лиц, которым она "в жизни не причинит зла".

С тех пор, как начался Симон, она не изменила мнения о Нелиде, но почти непрерывно чувствовала, как невыносимо её присутствие. Иногда она начинала представлять, что если бы от неё зависела жизнь Нельки, она не колеблясь убила бы её (и не только её, а и всех прочих, всех — "не хочу, чтобы жили на свете тела, которые он целовал..."), хотя в глубине души знала, что не только бы не убила, а наоборот, вытащила из любого болота, из любой напасти. Тогда Зеу начинала думать не о смерти, а о том, как Нелида внезапно меняется, становится глупой, ноги её толстеют еще больше — до безобразия, а глаза стекленеют.

Самое нелепое было то, что Симон вовсе не любил Нелиду — просто он относился к ней с большим уважением, чем к прочим своим женщинам. А жила ли вообще какая-нибудь любовь в его обаятельном, самолюбленном теле, — бог знает...

Солнце высверкивало из-за листьев, перебегая в такт её шагам от одной верхушки дерева к другой. Зеу перестала думать о Нелиде и начала вспоминать Будра, которого предстояло сегодня найти. Этот молчаливый старик приходил неслышной походкой, говорил мало и мягко, и, поднимая глаза из-под песочных бровей, смотрел на всё сразу и ни на что в отдельности. Нелька утверждала, что он сторонится людей потому, что слишком в них разбирается и наперед знает, что они сделают или скажут. Сейчас он исчез (Нелька впереди засвистела, свист её был тонкий и фальшивый), и Велес волнуется и не умеет этого скрыть, и они будут искать до ночи и, может быть, даже всю ночь. (Нелька старалась выправить свой свист в тонкую и изворотливую мелодию, но это плохо получалось. Свист рвал тонкие перегородки мелодии и вылезал в самых неподходящих местах. К нему стала примешиваться хрипотца, и Нелька затихла).

Зеу внезапно остановилась. Постояв три секунды, она подошла к высокой замшелой сосне и взялась за неё руками. Она прижалась щекой к коре и слегка потерлась о теплый мох. Глаза её неестественно напряглись, а руки ослабли и медленно опустились вдоль ствола, царапаясь о кору. В двух шагах от неё лежал на спине Будр. Он был мертв.

Зеу отстранилась от сосны, с трудом удерживая равновесие, подошла к самому его лицу и присела на корточки. Впервые она видела перед собой так близко труп человека, не официальный, увитый цветами, чопорный труп в гробу, не безликий и аморфный — в морге, а живой, настоящий труп. Человек, который еще вчера ходил, улыбался,

завтракал, лежал перед ней совсем остановившийся, непонятный.

Зеу осторожно отвела волосы с его лба и прислушалась. Она не знала, зачем затаила дыхание и что надеялась услышать. Вместе со страхом, парализующим её движения, она ощутила какую-то нежность, зарождающуюся внутри. Нежными были её глаза, смотрящие на мертвого, рука, распростертая над его лицом, нежным было её дыхание. С изумлением она чувствовала, как волна какой-то заострившейся теплоты, спокойствия и ласки, исходящей от мертвого Будра, подхватывает её, обволакивает и уносит.

Рыжее, доброе лицо Будра лежало среди спутанных волос, подбородок был чуть повернут и упирался в воротник куртки. В приоткрытых глазах не было ни идущей мысли, ни страха, они смотрели мимо. Мягкие, усталые складки у рта делали лицо совсем беззащитным и добрым. Ладони, полуоткрывшись, теплели в траве, и рисунок их был прост и естественен, как рыжая земля с выступающими корнями сосен, пучками мха и муравьями. Зеу, расширив глаза от необычности, тихонько подула на смятые пепельные волосы. Они легко шевельнулись.

Она вздрогнула от тихого, прерывистого вздоха. Велес, опершись руками о ту же самую сосну, смотрел на её лицо, размытое нежностью, обращенное к трупу. Он вздохнул и, чувствуя, как подкашиваются ноги, подошел и встал рядом.

Глава 4

СИМОН

Чертовски душно было в палатке. Солнце так припекало её брезентовые стенки, что внутри невозможно было дышать. Симон развалился на кровати, закинув ноги на спинку, и думал. Он тихо изнывал от жары, но выходить на улицу не хотелось. Там были люди, они окружили бы его, стали расспрашивать и делиться своими дурацкими гипотезами. Ему надо было додумать и что-то решить здесь, в спокойной обстановке. То и дело в палатку заглядывал кто-нибудь, одним нужен был Губи, другим — сам Симон. Всех их, не оборачиваясь, отрывистым, хриплым окриком он отсылал подальше.

Как только в лесу был найден труп завхоза, нормальная жизнь лагеря вышла из колеи. Лагерь был возбужден. Как маленькие крысы, которых пуганули из норы, люди беспокоились и боялись. Страшно было не то, что убили человека. В конце концов, у каждого здесь была за плечами убиство, и хорошо, если только одно. Убили человека, обладавшего Защитой, сверхнадежным устройством, никогда не выходящим из строя. Хотя начальство не стало всенародно оповещать об убистве, они просто взяли труп и унесли, Симон успел заметить ножевую рану в левой стороне груди. Старика убили спереди, и Симон многое бы дал тому, кто объяснил бы, отчего Будар не выключил Защиту.

Симон вздохнул. Завхоза было немного жалко. Этот старик был ему симпатичен, и даже то, что Нелида то и дело убегала к нему и гуляла с ним, когда Симону хотелось, чтобы она находилась в его обществе, не ослабляло этой симпатии. В конце концов, Нелида была женщиной, а Будар — человек. Симон старался никогда не конфликтовать с людьми из-за женщин.

Самое пакостное в этой истории — не то, что убит человек, безобидный и славный старик, которого, конечно, жалко, а то, что объявился и заявил о себе сильный и холодный зверь. Симона, как и всех остальных, беспоят сейчас именно это. Черт с ним, с Будром, но человек, не побоявшийся поднять руку на одного из начальников, после их отъезда не преминет установить на острове свою диктатуру, непременно жестокую и кровавую. Все лагерники понимали это, дураков не было. Те, кто послабее, закрывали глаза и молили, чтобы пронесло, не убили, не тронули. Те, кто посильнее, напряглись, готовясь к борьбе за место под солнцем. Симон пока не напрягался. Время еще было. Сначала надо было всё до конца узнать и понять.

Самое главное зависело от того, кому Велес оставит Верховную власть. Ох, эта власть... Даже простая власть, не Верховная, пожалуй, самая приятная вещь на свете. Она, да еще слава. Симон, пожалуй, согласился бы, чтобы его оскопили (оскопили?... Ну, нет!!!), или нет, над этим стоило бы подумать и выбрать. Слава богу, что никто не ставит перед ним такой дилеммы, слишком мучительно было бы выбирать. Сдох бы от напряжения... Чего бы только не дал, чтобы досталась она ему — Её Величество Власть. Плевать на чисто утилитарную пользу, — повелевать людьми само по себе, безо всякой пользы, прекрасно. По-велевать. Быть вне. Стоять над. Наказывать, миловать, издеваться... Управлять такими же, что и ты. От этого захватывает дух. Пока не привыкнешь и не перестанешь думать, что они такие же.

Власть прекрасна и восхитительна, но в данном случае просто необходима. Нельзя жить на острове, под колпаком, без власти. Никак нельзя. Тем более, что Симон был твердо убежден, что подходит к роли правителя больше всех. Все остальные либо слабее, либо глупее, либо слишком равнодушны и бездеятельны. Только как сделать, чтобы к такому же выводу пришли Велес? Пути Господни неисповедимы, а логика начальника часто превосходила своей неожиданностью Божью. Он вполне мог передать власть Гатыню — за нежность лица и любовь ко всякой живой твари. Мог одарить властью Губи — за всегдашнее веселое настроение и шутки, или Танауги — за добродушие и флегматичность. Велеса могло ударить в голову до такой степени, что он отдал бы власть Нелиде. Это было бы до крайности глупо, но его симпатии к этой девчонке нельзя отрицать. Этот начальник, этот желтоглазый угорь, еще удивит и ошарашит всех своим выбором! Симон прадчувствовал это и боялся.

Проще всего было, конечно, спросить у самого Велеса. Симон знал, что начальник немного доверяет ему, но именно для того, чтобы не потерять доверия, Симон ни разу не заговаривал с ним о власти. Сегодня, выходя из леса, Велес попросил его зайти после обеда, поговорить. Симону это предложение очень понравилось. Конечно, начальник надеялся узнать что-нибудь об убийце Будра, а Симон ничем не мог помочь, даже если бы и знал. Но за разговором о Будре можно было перейти незаметно к разговору о власти и, самое главное, кому, наконец, эта проклятая власть достанется.

. . . . .

Симону надоело лежать в душной палатке. Он решил, что настала пора походить по лагерю, послушать, о чем говорит народ, и попытаться узнать, кто эта сильная личность, заявившая о себе так громко и внятно. "Симон знает всё", — этот самодовольный девиз он сделал одним из своих флагов. А сегодня он ни черта не знал.

Выйдя из палатки, Симон затрусил к столовой, возле которой обычно собирались поговорить мужики. Впереди маячила зыбкая, неуверенная фигурка Зеу. В два прыжка он нагнал её и схватил за плечи: "Хоп!" Зеу вздрогнула, и он слегка укусил её за ухо.

— Куда бежишь? Слышала последнюю новость: Иштас изобрел средство против Зяцты и прикончил Будра. Теперь на очереди Велес. Не слышала? Ну, мать...

Зеу собиралась ответить, но Симон уже обогнул её и легкими прыжками помчался дальше.

Мужики сидели на обычном месте, и Симон с ходу влился в беспорядочный и возбужденный разговор.

- Ша, мужики! - закричал он. - Вы все на неправильном пути. Это Иштас.

Все рассмеялись.

- Мы об этом полчаса уже как толкуем, мой мальчик, - повернул к нему узкое, треугольное лицо Губи. - Ни у кого, кроме этого мерзавца, не поднялась бы рука на старика Будра.

- А где пророк Танауги? - Симон огляделся вокруг. - Хочу взглянуть на его мудрую року. И спросить: кто?

Танауги не было.

- Он сам испугался своих пророчеств...

- Ребята! А, может, он и убил? А?.. Танауги?

- Возможно, - Губи задумчиво почесал подбородок, - очень возможно, Сим, что этот некороший поступок совершил наш общий друг Танауги...

- Только как он справился с Защитой, вот вопрос?

- А помнишь, как он здорово показывал фокусы? Он обманул старика. Сказал ему, что покажет фокус, и старик попался на удочку.

Говоря это, Губи смотрел почему-то на Гатня, ласково улыбаясь.

- Фокус был хорош... - Гатнь не договорил и отвернулся.

Симон как-то разом сник и потерял интерес к разговору. Его раздражало, что Губи отпускает свои реплики через плечо, усмешливо-снижательным тоном. Ему на эту тему шутить не хотелось. К тому же вряд ли в этой компании кто-нибудь знал что-то наверняка. Один трёп. Разве что Гатнь... Он был болезненно-бледен сегодня и время от времени ёжился. Но даже если он что-нибудь знает, этот чудак, он все равно не поделится, потому что влияние Симона на него не распространилось.

Оставался еще один шанс: порасспросить Нельку. Она тоже много знала, и, состоя около двух месяцев её официальным любовником, точнее, "другом и любовником", как она его называла, Симон считал, что имеет право на откровенность. Правда, Нелида временами вела себя с ним по-хамски. К примеру, сегодня утром, пытаясь выведать у неё кое-что о Валесе, Симон получил грубый отпор. Но он решил проглотить обиду ради получения информации, ради дела.

. . . . .

Нельку он обнаружил на кухне. Все другие работы были сегодня прекращены, но есть, несмотря ни на что, было необходимо. Симон по-

стучал ей в окошко и попросил выйти, Глаза у Нельки были воспалены, красные веки оттеняли чистую серость глаз, волосы также казались серыми, а лицо и руки покраснели от духоты. Вся она была сочетанием красного с серым, "сухим плачем", как называла эти цвета сама Нелька. Симон дразнил её "крысой с красными глазами". Она была некрасива. Нелида сама заявила ему об этом, как только они познакомились. "Понимаешь, — сказала она серьезно, — оскорблено эстетическое чувство художника, и желание нравиться — женщины. Первое благороднее, второе сильнее, но из-за того и другого я терпеть не могу зеркала, и зашмуриваюсь, проходя мимо".

Нелида крайне неприветливо обернулась на его стук и прокричала, что будет свободна минут через двадцать. Симон подавил в себе волну бешенства, поднимавшуюся в горле всякий раз, когда Нелида поступала против его воли и навязывала свою. Ну что ей стоило выйти сейчас, раз Симон зовет по делу, тем более что на кухне полным-полно женщин. Симона вообще кутко выводило из себя, когда люди, вернее, женщины, а в особенности — его женщины, ему не подчинялись. Он просто сатанел от злости и с трудом сдерживался. Впрочем, это случалось сравнительно редко: большинство женщин слушались его беспрекословно, а с мужчинами он умел ладить, так, что конфликтов почти не возникало.

Симон принадлежал к той счастливой породе людей, которая нравится и женщинам, и мужчинам, и начальству. Женщин он любил, и об очередной победе рассказывал подробно, не скрывая радости. Еще больше любил друзей, веселые выпивки, карты, рискованные авантюры. И друзья любили его — за открытый нрав, остроумие и верность. Люди постарше улыбались на него как на обаятельного,мышленного мальчика, не всегда зная, что душа этого мальчика намного старше беззаботной улыбки и временами "мало-мало" звереет и наливаются бешенством, как лицо кровью.

Симон подавил досаду и ударил ногой пытавшуюся приласкаться к нему кошку. Он стал расхаживать взад-вперед по волейбольной площадке, кусая реденькие усы. Ко всему прочему, он заметил Иштаса, и настроение испортилось еще больше.

Иштас раскачивался на перекладине. Его небольшие мускулы вздулись буграми и просвечивали сквозь ветхую одежду. Этот человек, вернее, не человек даже, ибо все отказывали ему в этом звании и называли его сволочьё и мерзавцем, отличался нескрываемым неприятием всего окружающего. Он не тайлся, не лицемерил, он делал всё наперекор и шел один против всего и всех. Если б он делал пакости всем,

кроме него, Симон испытывал бы к нему только гадливый интерес и любопытство. Но и Симону не раз доставались уколы и даже пощечины от этого непонятного животного. Не привыкший к таким ударам, Симон воспылал глубокой ненавистью к подлецу, доходившей до оступляющей страсти.

Вот и сейчас ненависть заставила его подойти вплотную к перекидине и поднять голову. Иштас, продолжая раскачиваться, посмотрел на него сбоку. Он был ловок, и ни в одной драке не удавалось свалить его и наступить на горло. К тому же понятия чести или самолюбия были ему неизвестны, и он просто ускользал, убегал, если не хотел драться. "Хотел бы я знать, — думал с ожесточением Симон, что за поет этот ханьга, когда уедет начальство. Через час после их отъезда закачается он на своем крепком суку, предварительно хорошо избитый. Ведь не глупая же сволодь, понимает это, черт возьми..." При этих мыслях ненависть Симона сталкивалась с бесконечным удивлением, и чувства эти, взаимно погашая друг друга, приводили к спокойствию.

Иштас спрыгнул с перекидины и прошел совсем близко от Симона, едва не задев его плечом. Вблизи он казался моложе, чем издали, не старше тридцати лет. Темная шея, прямые, сухие волосы, глаза, кругловатые и светлые, под давящими веками, асимметричный рот с тонкими, беспокойными губами. Глаза его могли, наверное, выражать и радость, и сочувствие, но Симон знал их только пустыми, ненавидящими или насмешливыми. На этот раз взгляд был насмешлив.

Нелиды еще не было, и от этого становилось скучно. В прежние времена Симон легко нашел бы себе занятие. Он мог бы пойти играть в карты, но на острове денег не было, и от этого терялся весь интерес. Все книги, которые ссыльные взяли с собой, он прочитал за эти два месяца. Напиться было нечем. Можно было, правда, пойти к женщинам и в непринужденной беседе начать склонять кого-нибудь к убеждению, что она — в его власти, что нужен ей только он и никто больше. Но здесь, в лагере, где все принадлежали всем, это занятие тоже утрачивало свой смысл, о чем Симон сильно жалел.

Ведь нет ничего прекраснее, чем обольщать девочку, бояливую, молодую, с акварельным рисунком щек и прикушенными губами смеющегося рта, наблюдать, как она постепенно влюбляется (а если до этого она не пользовалась успехом у мужчин, чувство захватывает её с головой и топит). Наблюдать, как сначала она играет с ним, довольная властью своего женского очарования, как радуется и гордится, что он влюблен в неё, а на самом деле — влюбляется сама, цепко и намертво, как отдает ему себя, словно надеясь откупиться от иссушающей

любви. Но не откупается, а, наоборот, привязывается еще крепче и душой, и телом, и каждой своей несчастной клеточкой.

Симон жалел их, девушек. Он никогда не обманывал, не говорил, что любит. Он играл честно.

А здесь в лагере девушек больше нет. И не будет. Симон избегал думать на эту тему, потому что мысль о невозможности продолжать подобные игры доводила его до приступов глухой, всеохватывающей тоски, от которой глаза стекленеют, а голос делается хриплым.

. . . . .

Слава богу, Нелида наконец освободилась и шла к нему, вытирая об одежду мокрые руки.

— Послушай, Нель, — Симон взял её за руку и подвел к скамейке. — У тебя щека в муке, вытри, — усевшись, он обнял её за плечи и заговорил, наклонившись к самому лицу. — Дело вот в чем: ты у Велеса в доверенных лицах ходишь, что там слышно в верхах насчет этого дела?

Нелька посмотрела на него отстранившимися глазами. Она была зареванная, и Симона на мгновение кольнул стыд. Она сильно ревела, Нелька, она здорово переживает смерть Будра, а он лезет к ней со своей деловой озабоченной рожей.

— Будр убит, — сообщила Нелька ровным голосом, — ударом ножа в промежуток между четвертым и пятым ребром.

— А как же Защита?

Она откинулась на спинку скамейки и медленно покачала головой:

— Не знаю, Сим.

— Он что, самоубийца?

Она всегда неплохо соображала, а сейчас казалась потупевшей.

— Ты можешь оставить меня в покое? — попросила она устало и тихо.

— Могу, — Симон резко поднялся и пошел, но обернулся в последний раз и спросил: — Ты правда ничего об этом не знаешь?

Нелька молча посмотрела на него, и Симон, досадливо морщась, ушел. День выдался на редкость невезучий.

Он бродил по лагерю, злой от неудовлетворенного любопытства и бессилия его утолить. Его злила Нелька, но её он простил, потому что она оступела от горя. Оставалась одна надежда, что что-нибудь прояснится после разговора с Велесом. Кому же, черт возьми, он отдаст власть?..

Глава 5

В Е Л Е С

- Не реви, Вера. Будар умер, значит его больше нет, и жалеть не о ком, - Арша смотрела на рыдавшую Лиаверис спокойными, чуть насмешливыми глазами.

- Жалеть не о ком? - Велес подивился её цинизму. Он хотел резко возразить ей, но не нашел в себе сил и глухо закашлялся.

- Теоретически она права, - меланхолично заметил Малюс.

- Вы звери! - прокричала Лиаверис припухшими губами. - Бессердечные звери. Его больше не будет...

- Но только теоретически, Вера. Конечно же, это бессердечный цинизм - так говорить.

- Нельзя жалеть мертвых, - Арша откинулась в кресле и с вызовом посмотрела на всех. - Жалеть надо живых, если они больны, ранены, или им не везет в жизни. ("Замолчи! - крикнула Лиаверис. - Велес, пусть она замолчит!") Жалеть можно кого-то, а мертвый уже никто. Плачут не о покойнике, а о себе. Что ты остался без друга, без мужа, один. ("Она надевается над нами, - подумал Велес. - А, может, хочет нас, дураков, таким способом утешить?") А если ты был равнодушен к покойному, плачешь потому, что смерть - это страшно, и она не обойдет и тебя. Наконец, плачут просто потому, что ревут все вокруг и это нагнетает атмосферу. ("Она не врёт, - подумал Велес, - и не играет. Она говорит то, что думает и чувствует. Ей совершенно не грустно, и она спокойна...")

- Значит, я реву о себе? - возмущение настолько захлестнуло Лиаверис, что горе под ним спряталось, и глаза её были - только злые, злые и вспухшие от плача.

Лешен с обидой и горьким недоумением глядел на Аршу, впитывая каждое её слово.

- О себе, Вера, - Арша выпрямилась в кресле, и от этого слова ее прозвучали резче. - Жизнь здесь, напоминавшая тебе спортивно-трудовой лагерь, обернулась своей жестокой и неприглядной стороной.

- Послушайте, ну как можно по поводу смерти человека устраивать диспут? - раздраженно проговорил Малюс и поднялся с места. - Ну, если ~~жалости~~ жалости нет, нет сердца, то хоть так-то какой-нибудь должен присутствовать.

Он собрал чемоданчик своих инструментов и направился к двери.

- У тебя нет желания идти со мной, Велес?

- Куда?

- На вскрытие.

Велес покачал головой, и Малюс вышел, Арша закурила, хотя в палатке они договаривались не курить. Лиаверис хотелось закричать на неё, оскорбить и унижить, но она знала, что не справится с этим, и молчала.

Велес вытащил из стола толстую папку с исписанными листами и углубился в них. Это были дела заключенных, истории их убийств, характеристики, биографии. Ему не хотелось разговаривать. Сил не было утешать Лиаверис, спорить с Аршей, соглашаться со скорбно-рассудительным Малюсом.

- А что такое жалость? - опять заговорила Арша, со вкусом выпуская дым. - Со-чувствие? Сочувствие, это ведь значит, что мне больно от чьей-то чужой боли? Я чувствую то, что чувствует другой. Его горе. А у мертвых нет горя. Их нельзя жалеть.

- Нет, это невыносимо! - выдохнула Лиаверис и выбежала вон. Лешен вышел вслед за матерью.

Арша подошла к Велесу и села с ним рядом.

- Прости, ради бога, старую идиотку, - тихо попросила она.

Велес промолчал, не отрывая взгляда от бумаг.

- Не могу выносить её фальшь, понимаешь? Её театральные рыдания, имитацию горя... Да наплевать ей на Будра, глубоко наплевать! Знаю, что глупо обращать внимание, но все равно захожусь...

- Да нет, отчего же, - Велес поднял на неё спокойный, вежливый взгляд. - Она переживает вполне искренне. Так же, как ты или я. Как умеет, как может.

Арша вздохнула и промолчала. Умная эта, прожженная женщина, никак не могла подавить в себе мелкую, бабью неприязнь к Лиаверис. Она резким движением погасила окурок и взяла со стола один из листов.

- Можно взглянуть?

Велес пододвинул листки и отвернулся. Они молча читали. В палатке стало, наконец, тихо. Велес мог бы прочитать эту папку в первый же день, но отложил, как большое лакомство, на потом. Ему хотелось самому составить обо всех мнение, расселить всех в своей душе, поработаться, привыкнуть, а потом уже узнать, что человек сделал, кого убил и зачем. Это неизбежно должно было вызвать разочарования, поражения и открытия, а если бы он прочитал эту папку сразу, никаких открытий бы не было.

Сейчас время лакомства настало. Необходимо было узнать, кто убил Будра, а для этого — отобрать тех, кто мог его убить. Для этой же цели пригласил он сегодня на разговор Симона. Не в качестве осведомителя, нет, Симон бы на это не пошел, а чтобы услышать его высказывания и мнения о людях. Симон ни черта не смыслил в людях, но он жил среди них и многое знал.

. . . . .

— Ну и пакостные листочки! — заговорила Арша. Она положительно не могла сегодня молчать. Велес покосился на неё и хотел не отвечать, но увидел, что читает она с какой-то брезгливой болью, и рука, державшая лист, дрожит.

— Меня тоже содрогает от всего этого, — тихо сказал он.

— Посмотри! — она протянула один листок: — Нелида, бескорытейшая душа, осуждена "за убийство с целью мести и ограбления". Ну как это может быть?! Мне сорок пять, но я не понимаю, Велес...

— Ты в первый раз на острове, — пробормотал Велес. Ему не хотелось ничего объяснять, потому что он и сам прежде кричал и негодовал над подобными листочками, да и сейчас кричал, только неслышно.

— Я и в пятнадцатый не пойму...

Велес вспомнил, что никто, кроме Верховника, по инструкции читать эти листки не имеет права. Он хотел уже отобрать их у Арши и услатить её куда-нибудь, но передумал. Арша совала ему под нос новый листок.

— А Симон? — закричал он в свою очередь. — Обаятельный парень, душа общества — "жестокое избиение с последующей смертью"...

— Иди ты к черту с твоим Симоном! — внезапно возмутилась она. — Симон! Ты что, не видишь, что он хищник. Скотина он обаятельная, большой оплодотворяющий аппарат... ("Ну, ты даешь, — ошарашенно пробормотал Велес. — Полегче в определениях!") Пусть бы весь остров был заселен такими, как он и Губи, но Нелька — почему здесь? И Зеу?

— Ну Нелька, ладно, а вот Зеу с её взглядом детоубийцы, по моему, способна на всё. Кстати, что она сделала?

— "Подожгла дом со спящим в нем человеком". Ты не черта не смыслишь в людях, Велес. Взгляд детоубийцы... А как ты хочешь чтобы она смотрела? Она на всех так смотрит, даже на своего Симона, по которому умирает в полном смысле слова, потому что одинока в последней стадии. И несчастна. И он был большая сволочь, кого она подожгла, это я наверняка знаю.

- Может быть, - Велес вздохнул, - может быть, я ничего не смыслю, и, может быть, он был большая сволочь, но ведь у нас карают за сволочь точно так же, как за праведника и гуманиста.

- В том-то и дело, - Арша притихла. - А Нелида все равно не могла убить, в этом я клянусь.

- А как мог убить Танауги? Эта медуза? Вот, смотри, - он протянул листок.

- Он не медуза. Он слишком умен для медузы. Его мне не жалко, - Арша снова стала спокойно-холодной и уверенной. Она выпускала дым изо рта и ноздрей и покачивалась на стуле.

- Накостную работку ты себе выбрал, Велес...

- Они все люди, - Велес сдвинул рукой листки и перемешал их по столу, как карты, - все живые. Все единственные, уникальные, теплые...

- Не все, - в Аршу опять вселился холодный бес противоречия. - Не все уникальные. Сейчас найду тебе самого уникального, - она порылась среди бумаг на столе. Велес на мгновение почувствовал ужас. Ему показалось, что Арша вытащит листок, на котором написано "Иштас", и будет читать, высказывать свои соображения, и надо будет отвечать, спорить... ("Господи, не его, - попросил он мысленно, - зачем я ей дал эти проклятые листки..."). - Вот, нашла. Смотри, Гатынь. (Велес потихоньку нашел листок с фамилией Иштаса и положил среди бумаг, которые уже смотрел. Никогда не касаться этого листка, не читать его, не видеть...) Ты видел его картины?

- Он разве художник?

- Серость. Правда, мог и не видеть - он редко выставлялся. Я на него наткнулась случайно, у меня них на всё стоящее. Что тебе рассказывать, раз ты не видел - ничего не поймешь... (Велес припомнил Гатыню, собрал в голове его образ. Хрупкость, запуганность, скорбь. Маленький гений-убийца) Может, и гений... Если не бояться слишком больших слов. Второго такого нет. "Схватить его, крепче! Любить и любить его лишь!" - зачем-то процитировала она. - А здесь он похоронен. Совсем. И я не хочу читать, кого он там убил и за что, - Арша сжала в руке листок и помахала им, - пусть это праведник и гуманист, но боже мой... - Она все-таки стала читать, кого убил Гатынь, с лицом расстроенным, нахмуренным и горьким.

. . . . .

После обеда пришел Симон. Велес начал без предисловий:

- Видишь ли, Сим. Миссия наша здесь закончилась, скоро мы

улетаем. На повестке дня сейчас вопрос: кому отдать власть? Я немного знаю ребят, но знаю поверхностно. Как твое мнение? Кому из ваших можно отдать власть, чтобы жизнь в лагере была более-менее сносно?

Симон думал не более двух секунд.

- Мне, - сказал он.

Велес дернул бровями и посмотрел Симону в глаза. Тот выдержал его взгляд, а своему придавал стеклянную прочность и непроницаемость.

- Это было бы неплохо, Сим, но... - Велес вытащил из кучи бумаг одну и прочитал: - "жестокое избиение с последующей смертью".

- Все мы здесь не за спекуляцию сидим, - заметил Симон.

- Тоже верно. Ты деловой парень, Сим, и ребята тебя уважают, но хотелось бы, знаешь, кого-нибудь поспокойней.

- Поспокойней одни старики. Умрут скоро, и тогда - анархия, - И Симон улыбался и покачивал ногой, но внутри сильно смик. Его надежда не оправдалась. Или еще не всё потеряно?

- Ну не спокойнее, Сим, ладно, добрее. Ведь есть же такие?

Симон неопределенно пожал плечами.

- Ну, Нелидке отдай, - с неохотой протянул он, - раз уж для тебя это самое важное. Она вообще, говорят, безвинно сидит. Не убивала никого. Хотя власть женщины - это...

- Как безвинно?

- Не знаю, может, врет. Говорит, что судебная ошибка.

Велес был так ошарашен, что с минуту рассматривал лицо Симона, стараясь понять, не шутит ли он. - Шутить такими вещами...

- Да сам спроси у неё, что я, нанялся за неё отчитываться? Говорит, что улики были против, а сама она не убивала. Может, выдать не захотела кого-то, не знаю. Попалась, в общем.

- Спрошу, - Велес как-то сразу поверил в невиновность Нелиды, и это поразило его. Жить на острове до смерти, среди этих людей - и ни за что? Безвинно? - Чудовищно, - пробормотал он, - судебная ошибка? Лучше, чтобы тебя по ошибке повесили, чем сослали на остров...

Симон согласно и нетерпеливо кивнул. Совсем не эта тема вертелась у него в мозгу и на языке.

- Я обязательно разберусь, - Велес встряхнулся, чтобы прогнать оцепенение. - Если она невиновна, мы увезем её отсюда. - Симон усмехнулся.

Потом они перебрали всех более-менее выдающихся лагерников и

поговорили о каждом. Велес отметил смесь затаенного восхищения и недовольства, с которым Симон говорил о своем друге Губи. О Гатыне он отзывался презрительно и между делом. Танауги был для него личностью непонятной и мистической. Под конец разговора он решил, что даже если власть достанется Нелиде, будет не так плохо, и стал агитировать за нее. Велес опять сказал, что Нелиду они заберут с собой, и Симон проклял себя за болтливость. Ему не хотелось лишаться Нельки, она была нужна. И кто мог знать, что начальник решится на такой широкий жест?

- Тебе не разрешат её увезти, что ты, как маленький, - хмуро пробормотал он. Ему стало тоскливо и скучно. - На кой черт ты меня позвал? Отдай власть первому попавшемуся и кати домой, какое тебе дело, что тут без тебя будет?

- Вы мне почему-то дороги стали все, собаки, - ответил Велес негромко. - Не хочется бросать на произвол судьбы.

- Даже несмотря на...

- Даже несмотря на Будра.

Перед уходом Симон счел своим долгом заявить, что весь лагерь, и он в том числе, считает убийцей Иштаса, ибо ни у кого, кроме этого подлеца, не поднялись бы на старика руки. Он предложил устроить самосуд над этим мерзавцем и готов был взять на себя его организацию.

Велес рассеянно поблагодарил и попросил пока не торопиться.

Глава 6

М А Л Ю С

Надо было произвести вскрытие, а Малюс терпеть не мог этой процедуры, когда дело касалось людей, которых он знал. Одно дело - вскрывать человека чужого, незнакомого, с холодным любопытством отмечая, что печень у него гипертрофирована (значит, пил,) или в мозгу маленькая опухоль, (отсюда и странности в поведении). Другое дело - разрезать человека, которого знал, с которым ел, разговаривал, делал общее дело. Закончить бы всё это побыстрее. Вообще, закончить все дела и - домой.

В сущности им абсолютно незачем было сюда ехать. Если бы не Лиаверис, работал бы он сейчас в своей поликлинике, лечил детей от ангины и бронхитов. Дети не умирают. Вернее, умирают, но очень редко. Они веселые, общительные, живые. Их не надо вскрывать. Он уже двадцать лет работал терапевтом, и до сих пор причуды Лиаверис не касались его профессии. Правда, они касались иных важных вещей, вроде его самолюбия, но к этому он притерпелся.

Лет пятнадцать назад, когда они только познакомились, Лиаверис в первую же встречу, вдохновенно и взволнованно светя глазами, выложила ему свое кредо. В жизни надо всё испытать. Жизнь есть смена впечатлений, по возможности разнообразных и острых, и тот, кто сегодня проводит свой день, как вчера, и знает, как проведет завтра, — тот не живет, нет, тот не живет. Он, распустив уши, слушал её, потому что влюбился. Если бы она только болтала, нет, она была верна своему проклятому кредо. Она гонялась за впечатлениями, за событиями, и удержу ей не было никакого. Она с гордостью рассказывала о том, что уже пережила и испытала. К примеру, была в сумасшедшем доме, её насиловали, душили, вытаскивали из горной реки, и если бы она рассказывала только ему, нет, подвыпив и приняв доверительный тон, она говорила это любому случайному знакомому на вечеринке. Она изменяла ему несколько раз, и каждый раз докладывала об этом. Он помнит тот бесконечный ужас, когда она заявила об этом впервые. Он решил тогда, что всё кончено, но она думала по-другому. Оставить её сам он уже не мог, и принял всё как одну из возможных форм существования. Что из того, что у других так не принято? Каждый живет и идет сам. Другие любят меньше. Ей не нужны были мужчины-самцы, ей важно было, чтобы они были чем-нибудь замечательны. Один — бывший эск, другой — крутой ученый, третий — художник-сюрреалист, четвертый — невероятно, немисливо уродлив. Он дико боялся поначалу, что её уведут от него, отнимут, потом успокоился. Её никто не принимал всерьез. Она никому не была нужна, кроме него и Лешки.

Временами ему казалось, что она заносит все свои приключения в невидимый каталог, и когда дойдет до порога смерти, кто-то будет придирчиво спрашивать: а это было? И на всё она гордо ответит: было! И не найдет он в списке людских потрясений, чего бы она не пережила, и зауважает её с небесной силой.

В последние пять лет она несколько успокоилась. ("Господи, дай ей скорее старости", — кощунственно просил он) И эта последняя прихоть насчет лагеря была для него неожиданной. Но, как он очень хотел надеяться, — последней. Ему хотелось покоя.

А сейчас вот он вскрывает труп своего хорошего знакомого и сослуживца, и мозг у него хороший, и сердце здоровое, и желудок без язвы. Его убили неизвестно за что и зачем. А завтра могут так же убить Лешку или Веру, потому что если Защита отказала у Будра, точно так же она может отказаться и у них. Нет, думать о том, что могут убить Лешку и Веру, Малос не мог. Он не допустит этого. Не даст.

. . . . .

Малос хотел устроить торжественные похороны с речами и присутствием всех лагерников, но Велес отказался. Этот мальчишка посмотрел на него дикими, непонимающими глазами, когда Малос заикнулся о гражданской панихиде. Мальчишество. Велес часто своими нелепыми поступками вынуждал Малоса произносить про себя это слово. Человека зарыли просто так, без речей, установили деревянную дощечку с фамилией и разошлись, будто событие это такое же будничное, как все ежедневные дела. Если бы была вдова, она рыдала бы, и этим бы придавала торжественности, но вдовы не было.

Мертвых жалеть незачем. Арша, со своим цинизмом, по сути права, но ведь забывать их нельзя, потому что человек жил, был живой... Велес — молодой дурачок, он-то сам не забудет Будра, а остальные?

Малос никогда не высказывал своего раздражения, оно материализовалось лишь в брезгливые складки по углам рта. Спорить с начальством бесполезно, а показывать своё недовольство просто так — глупо.

Похороны закончились, похоронные дела были все сделаны, но Малос не считал себя вправе отдохнуть и расслабиться. Он не успокоится, пока не поймет, отчего не сработала Защита. Она достаточно надежно устроена, чтобы выйти из строя из-за какого-нибудь пустяка.

Малос напрягся и мысленно включил её, окружив себя невидимой и непроницаемой оболочкой. Вернее, попытался окружить. То, что Защита не работает, он понял, когда машинально поднял с земли камушек и подбросил его на ладони. Он не должен был чувствовать камушек, его тяжесть и прохладу, Защита не должна была пропустить к нему камень. Он напрягся еще раз и послал усиленный импульс. Эффекта не было. Хваленая, Абсолютная, со стопроцентной гарантией, Защита отказала.

Малос вскочил, резко и деловито. Нужно было срочно узнать, как обстоят дела у остальных. "Лешен!" — крикнул он. Вместо Лешена, на зов пришла Лиаверис. "Включи Защиту", — чуть было не сказал он ей, но вовремя прикусил язык.

- Найди мне Лешку, - спросил он.

Жена сегодня была совсем не эффектная. Она не нарядилась, отдавая этим дань уважения покойному.

- Лешка бродит где-то с Аршей, - тихо пожаловалась она. - Своих детей бог не дал, так она чужих переманивает...

Без всегдашней помады губы её были не дерзкими, а беспомощными и глуповатыми. Эта маленькая, взбалмошная дуручка была рождена для тихой семейной жизни, но он всегда боялся сказать ей об этом.

(Она негодующе фыркнула и остранилась. «Потише в определениях.» И возмущенно ушла.)
У Лешки Задита не работала тоже. Малюс боялся, что он испугается и распалчется, но в сотый раз убедился, что не знает сына. Лешка насторожился и напрягся, и острый огонек азарта мелькнул в его зеленых глазах.

- Маме не надо ничего говорить, - подумав, сказал он.

- Конечно. - ("Не о себе думает, о маме, мальчишка мой родной").

- Конечно, мы не скажем маме, но упаси тебя бог вообще сказать об этом кому-нибудь, проболтаться кому-нибудь из приятелей.

- Сам не проболтайся, - Лешка глянул на него почти враждебно.

- Ну-ну, - Малюс рассмеялся примирительно, - я знаю, что ты взрослый и умный, потому и позвал тебя. Завтра, скорее всего, мы улетим домой, раз так получилось. Пусть мама ни о чем не догадывается, ладно? А в вертолете мы ей всё расскажем...

- Она будет здорово ругаться, что здесь, на месте, мы всё от неё скрыли, и не простит нам этого никогда, - улыбнулся Лешка. Потом помрачнел. - Мы не улетим на вертолете, папа. Он окружен Задитой, а снять её мы не сможем... А, может быть, она еще сохранилась у кого-нибудь? У Арши?.. У Велеса?..

- Ты - мой сын, Лешка, - Малюс ласково потрепал его по затылку. - Я сам сейчас только и молю Бога, чтобы она сохранилась у Велеса или у Арши.

Он любил сына, но все-таки меньше, чем жену. Ему никогда не было из-за него больно.

- А теперь беги, Лешка, и позови мне Велеса и Аршу.

- Если мы не улетим на вертолете, мы уплывем на лодке, папа.

У берега стоят две совсем новенькие, их только вчера кончили строить.

- Обязательно уплывем. Ты будешь сидеть на веслах, мама на руле, а я буду ловить рыбу и поджаривать её на закигалке.

- Я серьезно, отец. Ты всё шутишь, а я серьезно, - Лешка взглянул на него с укором, и Малюс смутился. Совсем некстати он распутился сегодня, совсем не ко времени.

. . . . .

У Велеса Защита тоже не работала. Напрасно он посылал импульсы и напрягал плечи, надеясь почувствовать легкое и теплое дуновение, — ничего не было. Велес попробовал включить Оружие, направив его на сухую ветку дерева, но ветка висела так же безмятежно и цело.

— До меня, кажется, дошло в чем дело, — заговорил Малюс. — Это кожная болезнь. Помнишь желтые пятна, которые подцепил где-то Лешка? Такие же были у Вудра. И у нас с тобой скоро появятся. Она не опасна для жизни, но блокирует фермент, который ведает Защитой, не дает ему работать. Я решил не говорить пока об этом Вере, — голос Малюса дрогнул, — и тебя попрошу об этом. Лешка знает, но он молодец-парень, понимает что к чему.

— Да-да, — Велес рассеянно кивнул, — Лизаверис мы не скажем...

Малюс покосился на него и почти с торжеством отметил, как поникнул и обвис этот самоуверенный щенок. Потом ему стало стыдно — он тоже обвис не меньше, просто лучше сохраняет внешний облик.

У Арши Защита сохранилась. Хоть с большим трудом, но ей удалось собрать вокруг себя непроницаемую оболочку, и Малюс от радости чуть не подхватил её и не закружил на месте. Велес, кажется, не понял, что это для них меняет, и лицо его не изменило своего заостренно-озабоченного выражения.

— Значит, так,.. — проговорил он.

— Значит, так, — перебил его Малюс, — болезнь эта, насколько я понял, излечению не поддается. Поэтому завтра после обеда мы улетаем. До обеда ты, Велес, закончишь все свои административные дела. Проблема, кому отдать власть, исчезла, так как самой власти больше нет. (Велес поднял на него удивленно-усталые глаза, но промолчал). А сейчас мы идем к вертолету, и пока Арша не растеряла свой дар, она снимет с него Защиту. Завтра она сделать этого не сможет.

Арша пожала плечами и легкомысленно заметила, что с детства терпеть не может кожные болезни, и они к ней не пристают, ибо знают, как она их ненавидит.

Они пошли все втроем в глубь острова, где, окруженный лесом, на поляне стоял вертолет.. Арша, с видимым усилием, напрягаясь, сняла с него защитный колпак, и они заглянули в кабину.

— Может, отстучим начальству, что завтра вылетаем? — кивнув на радио, спросил Малюс.

Велес поморщился.

- На-чем? Объяснять придется, почему и зачем...

Он уселся в кресло первого пилота и коснулся рычагов управления.

- А не хочется улетать, - заявила Арша, усаживаясь рядом.

- Привязалась к кому?

- Привязалаеь, - подтвердила она. И, подняв руку, стала загибать пальцы: - к Лешке, к Велесу, к Нелиде, к Иштасу...

- Так, я думаю, надо собираться, - перебил её Малюс, - чтобы завтра к утру всё было готово.

- А, может, подождем? - повернулся к нему Велес. - Убийцу Будра надо найти.

- Мы найдем убийцу Будра, обязательно, - Малюс закивал головой, дергаясь щеками. - А потом будем искать убийц Арши, Малюса, Лиаверис..

Он резко повернулся и пошел прочь. Успокоившись, оглянулся и твердо сказал:

- Мы улетим завтра. После обеда. Ты не начальник больше, Велес. Ты потенциальный труп. Если хочешь остаться - оставайся. Я умею водить вертолет.

- Перестань, что ты говоришь, - Арша выпрыгнула из кабины мягко, как большая кошка, и подошла к нему.

- Мы улетим завтра, Малюс, извини. (Извини, я забыл, что у тебя семья, - хотел сказать он). Сегодня будем собираться.

. . . . .

- Мы улетаем завтра, Вера, - сказал Малюс жене, светло улыбаясь. - Собирай вещи.

Лиаверис надула губы и раздраженно сказала:

- Очередная блажь этого мальчишки? Почему его кидает из стороны в сторону, как мячик на резинке? Почему наделяют Верховной властью неуравновешенных сошляков?

- Это моя блажь, Вера.

- Поздравляю, - она хмыкнула. - Хорошо, что ты поставил меня в известность, что власть переменилась. Если это не шутка, я иду прощаться со своими лагерными друзьями.

Она действительно собралась уйти, но Малюс удержал её. Хихикающе-хрюкаями (Ругнув про себя Бога, который наделяет в обязательном порядке красивых женщин глупостью. Или - глупых - красотой?)

- Это тайна, Вера. Никто не должен знать, что мы уезжаем. Подругам и друзьям, если о них у тебя завелись, можешь оставить прощальное письмо.

— Любовников здесь у меня не было, — высокомерно ответила она. Потом вздохнула: — Они однообразные все, как булжники на дороге. Я рада, что мы уезжаем. Еще чуть-чуть и стало бы скучно.

Глава 7

ГАТЫНЬ

Один человек в эту ночь не спал. Может быть, не спал и еще кто-нибудь, но только один — из-за сильнейшего приступа страха. "Смотри, — сказали ему сегодня, — вон под той березкой, на бугре, земля довольно рыхлая. К вечеру того дня, когда с острова уберется начальство, ты будешь лежать там, для пущей верности придавленный сверху камнем". Сказано это было так просто, таким доверительным тоном, что Гатынь даже не попытался каким-нибудь образом выкупить свою жизнь. От него ничего не требовали, ни к чему не принуждали. "За что?" — спросил он, но на этот вопрос ему не ответили, отшутились.

Днем, в суете, Гатынь отгонял от себя настойчиво лезшие в уши отголоски этого разговора, но ночью они пришли и завладели сознанием полностью. Гатынь не сомневался, что именно тот, который ему грозил, убил Будра. Если бы можно было доказать это наверняка и рассказать Велесу. Если бы можно было попросить у него власть...

Просить власть... Велес не даст. В слишком хороших он отношениях с Симоном. С Нелидой. Прежде всего он позаботится о них. Велес не даст.

"Господи, всё хорошо на этой благостной, животворящей земле, — бормотал Гатынь, ворочаясь с боку на бок. — Всё хорошо, всё разное. Завтра наступит утро, и послезавтра наступит, на березе листья пожелтеют и опадут, и снова вылезут, кошки размножатся и заселят остров, люди постареют, сморщатся и умрут, а кошки будут жить, и остров станет кошачьим... Всё хорошо, всё разное... Был ребенком, был художником, потом стал убийцей, теперь буду убиваемым."

То, что остальные тоже умрут и на острове не останется ни одной человеческой души, утешало его. Гатынь заговаривал свою боль, как заговаривают кровь, текущую из ножевой раны. Ему показалось,

что страх прошел, и он перестал ворочаться и прикрыл глаза. Стало тихо, но вместо спокойствия из темноты надвинулось такое исступленное, всеильное отчаяние, такое НЕХОТЕНИЕ быть убидаимым, что Гатынь застыл и перестал дышать, и сердце его стало биться сильно и медленно. Он слушал, как оно бьется.

Убить его?! Превратить в ничто этот мир, бесконечный, как вселенная, совершенный, как творение Божье, всемогудий, как... Как ничто другое... нигде и никогда. Гатынь чувствовал, что уму его подвластно всё — нет ни одной мысли, которой он не способен был бы понять, и душа его безгранична — нет ничего, чего не смог бы он принять запахнувшейся душой своей. Тело его... даже просто рука, так послушно и гибко повинуется приказаниям души... даже просто гладить кошачью спину, слегка вибрируя от её мурлыканья... а голос выносит наружу все великие мысли и невыносимые идеи, которые рождаются в неутомимом, гениальном-единственном мозгу. Наконец, "я" — то самое, таинственное, неприкосновенное и святое, которое властвует над всем, объединяет всё и проникает во всё, — невозможно представить, что его уничтожат, нельзя это... Никому не дозволено касаться... Никому. Никому... не касаться...

Гатынь застонал и перевернулся на спину. "Листья опадут и вылезут новые, и самое паршивое, что нет ни ножа, ни бритвы, чтобы уйти самому, чтобы не ждать, как овца, пока занесет над тобой руку омерзительное отродье... Ни веревки... Веревку можно найти, но хрипеть, извиваясь, с раздувшимся языком, чувствуя, что, как воздух из мяча, вылезает душа из тела... с хрипом... Боже".

Всё это бред. Единственность, бесконечность, невозможность убить всё это... Бред. Детский лепет. Надо убить. Потому что всё сгнило внутри, со всем надо покончить. Да, он гениален. Он знает и понимает всё и почти всё может... Но — тем более лихо, ярко и оглушающе будет убить всё это. Уничтожить. Всё равно что рвать и сжимать шедеры. Он настолько велик, что может позволить же себе махнуть рукой на свою гениальность и неповторимость, и выкинуть её, словно грязную тряпку. Плунуть и выкинуть. Он это может.

...тем более, что жить дальше незачем, нечем... он никогда больше не будет рисовать.

Но только — сам. Никому больше не касаться. Только сам.

. . . . .

На соседней кровати посапывал Танауги. Он спал и не обращал ни на что внимания, но если бы не спал, обращал бы не больше. Гатынь не понимал, как можно жить вместе, спать рядом, ежедневно

видеть друг друга по нескольку часов, — и так скользить, не соприкасаясь, так проходить мимо другого человека. Гатынь так не мог. Жить, словно в оболочке из слизи, и проходя между людьми, не цепляться за них, не царапаться, не греть и не греться. Спокойствие Танауги напоминало ему холодное и сытое существование рыбы. Равнодушие исходило от него тугой, сферической волной, хотя оно не должно было исходить, ведь равнодушие — это то, чего нет. Как нет лучей холода или темноты.

"Я не вписываюсь, господи, в эту совершенную картину, в эту мазию сумасшедшего живописца, называемую жизнью. Я уйду с этого холста — и белого пятна не будет.". Гатынь засмеялся и заплакал от щемящей жалости к себе. Потом ему пришла мысль: а смог бы он нарисовать всё это? Нарисовать смерть? Вернее, страх смерти? Мысль эта вошла холодящей, свежей струей и остановила рыдания. Наверное, смог бы. Теперь бы, прямо сейчас, рисовал и скулил от страха. И смеялся от торжества. И кусал бы губы от бессильного бешенства. Он создал бы вещь.

Гатынь чувствовал, когда он создает вещь, а когда просто так — разминает руку и воображение. Это пришло не сразу. Долгое время он рисовал, и развешивал рисунки вокруг себя, и хохотал от отвращения. "Вы — жалкие трупы! — кричал он своим картинам. — Жалкие трупы великолепных замыслов!" Те, которые ему хоть немного нравились, он оставлял, а остальные выкидывал. "Я окружен трупами," — написал он на стене своей мастерской, и черная эта надпись бросалась в глаза прежде всех картин. "Есть гениальность, но нет тех ворот, через которые она могла бы выйти", — написал он. Потом ворота нашлись. И открылись. И ему уже было наплевать, каким это словом назвать. Главное — та восторженная сила, та приходящая к нему уверенность, что он производит, вытаскивает из себя на свет небывалое, великое, вечное... Эти картины он никогда не развешивал. Часть дарил друзьям, остальные ставил на пол в мастерской, лицом к стенке, и очень редко, с замиранием сердца, поворачивал к себе и смотрел. ("Не трупы ли?" Не трупы).

"Возлюби ближнего своего, — прошептал Гатынь, кусая зубами угол подушки и покрываясь испариной, — и каждый куст, и каждую травку, и весь этот милый, путанный, отвратительный хаос..." Вот уже три месяца он не рисовал. Сразу, как только убил человека, бросил. И никогда больше не будет, потому что не взял сюда ни бумаги, ни красок... Надо уйти самому. Сам...

. . . . .

На улице совсем рассвело. Гатынь поднялся и высунулся наружу. Утро плеснуло ему в лицо заряд свежести и озноба и растежлось по плечам и лопаткам. Он залез обратно и оделся, чувствуя, что руки отказывают ему служить. Он долго причесывался, унимая дрожь в пальцах.

Гатынь вышел на улицу и пошел в сторону леса. Туда, куда обычно ходил успокаиваться и отдыхать от лагерной тоски. Он ходил к вертолету, чтобы прижаться лицом и руками к прозрачной Задите, и смотреть на него, и быть рядом. Вертолет — это то единственное и зримое, что осталось от мира и что скоро вернется в мир... Мир, который справедлив, устойчив и добр. Где можно рисовать и не бояться завтрашней смерти.

Подойдя к вертолету, Гатынь протянул руки, но не ощутил, как всегда, прозрачной преграды, а коснулся холодной дверцы кабины. От неожиданности он отдернул руки, потом снова прикоснулся и стал гладить железную обшивку. Он не думал, как и почему вертолет оказался без Задиты, он только радовался, что может гладить его, держать руками и даже, наверное, залезть в кабину. Затем ему пришла мысль, окончательно обрадовавшая его. Гатынь решил в день отлета начальников забраться внутрь вертолета и спрятаться в его просторном брже. Если его не обнаружат до отлета, в воздухе уже не смогут вернуться назад. Конечно, его отправят в лагерь, но это будет другой лагерь. И всё там будет другое.

Чтобы проверить эту мысль, Гатынь дернул ручку кабины и открыл дверцу. То, что он там увидел, разбило его радость на горстку мелких недоумений. Исковерканные приборы, разбитая радия, хруст стекла под ногами... Гатынь отступил назад и огляделся. Ему показалось, что тот, кто сделал это, следит сейчас за ним из кустов немигающими глазами. Он повернулся и, стараясь не убыстрять шагов, пошел по тропинке назад. Ощущение было такое, словно он наткнулся на труп, и убийца прячется где-то рядом.

Пройдя шагов двадцать, он столкнулся лицом к лицу с Велесом, поднимавшимся навстречу. Оба вздрогнули и настороженно остановились. Подняв брови, Велес сухо поинтересовался, что делает Гатынь в лесу в пять часов утра. Гатыня разозлил этот тон, и он хотел пройти мимо, но вместо этого так же сухо и с непонятным злорадством проговорил:

— Вы напрасно оставили вертолет без Задиты. Кажется, он уже больше не сможет взлететь.

- Стоп, - Велес взял его за плечо. - Пойдем посмотрим.

Увидя растерзанные вертолет и рацию, Велес отвернулся. Он пытался спрятать свое лицо, но Гатынь все равно видел.

- Кто это сделал? - спросил Велес, не глядя в глаза. - Ты... что здесь делаешь в такую рань?

- Очевидно, тот, кто убил Будра. Я думаю так. Я сам пришел пять минут назад, и всё это уже было.

Велес слушал рассеянно. Кажется, это последнее... Смерть Будра, выход из строя Задиты, теперь - вертолет. Невыносимо тянуло расслабиться. Лечь на землю, взяться зубами за стебли трав, и разрыдаться. Когда слезы скатываются в траву и впитываются землей - это немного легче... Это черт знает как хорошо. У Велеса слегка подогнулись ноги и расслабились мышцы спины.

В упор на него смотрело чужое, умное лицо с темными, вбирающими глазами и мягким ртом. Велес сдержался перед этим лицом.

- Печально, брат. Хорошая была машинка. Если не починим, придется сидеть и ждать, пока о нас вспомнят и прилетят.

"Зачем ты врешь и бодрисься? - хотел спросить его Гатынь. - Всё гораздо хуже. Будр убит, вертолет сломан, Задита не защищает..." Он смотрел на бывшего начальника, который не был больше недосыгаем и всемогущ, который превратился в такого же, как он, человека из нервов и слабости.

- Послушай, - Гатынь внезапно почувствовал, как неприязнь и злоба исчезли в нем без остатка, оставив пустоту, которая стремительно заполнилась чем-то совершенно для него небывалым... Как будто перед ним улыбается, содрогаясь от боли, брат его. (Почему брат? Гатынь всегда был равнодушен к родственникам и испытывал к ним меньше интереса и приязни, чем к чужим людям). И не просто брат, а самый любимый из всех братьев и сестер. В конце концов, все мы в этом мире родственники, но невозможно любить всех... - Послушай, то, что вертолет сломан, знаем только ты, я и та сволочь, которая его сломала. Мы с тобой будем об этом молчать...

(Конечно, перед ним стоял брат, брат по слабости, брат по плачу, родной по сгорбившей их обоих безнадежной и злой силе... Это покрепче всяких кровных уз).

- ...и если как-нибудь прибрать в кабине или закрыть ее на ключ, никто не догадается. О том, что вышла из строя Задита и Оружие (при этих словах Велес резко поднял глаза, и Гатынь понял, что не ошибся в своей догадке... Но зачем он смотрит так напряженно, словно чужой, разве он не слышит, не понял... любви, от которой

Гатынь уже заикался?) тоже пока ничего не знает. Я убью эту сволочь, и всё станет на свои места. Я убью его. Не надо только суетиться, и никто не заподозрит...

Велес слушал и плохо соображал, зачем ему говорят всё это, и кто говорит, друг, враг или сумасшедший. Низкий, взволнованный голос беспокоил и не давал расслабиться. Он смотрел в лицо говорящего, пытаясь разобраться в теплой игре лицевых мускулов, в выражении темных, очень темных глаз.

Гатынь говорил и говорил, увлекаясь все больше, волнуясь, что Велес ему не верит, излагал способы убийства этого подлеца, говорил, как надо вести себя, чтобы никто ничего не заподозрил, как объяснить всем смерть Будра, и Велес с удивлением чувствовал, что начинает верить ему.

Вместе с верой приходило облегчение и апатия, будто появился вдруг кто-то волшебный и сильный, и сказал: "Давай я понесу ^{это} вместо тебя". Ему захотелось взять Гатыня за плечи, придвинуть к себе темные, помогающие глаза, и — не расставаться больше.

— Брат, — сказал он, светлея лицом и опускаясь на землю, — мы наворочаем с тобой кучу дел, братишка. вдвоем. А когда всё кончится, уйдем отсюда на лодке, вместе. Мы уйдем на прекрасную, большую землю...

Гатынь улыбался. Он знал, что Велес при всем желании не сможет забрать его отсюда, не имеет права, а если и заберет, то его отправят в другой лагерь, на другой остров, и никто не сможет поручиться, что там будет лучше.

— Нет, Гатынь, мы уйдем именно вместе, и если придется отправить тебя в другой лагерь, я сам займусь подбором заключенных, и все они будут такими, как ты и Нелида. Ты и Нелида.

Они говорили друг другу мягкий, утешающий бред, они улыбались, они уже не соображали, о чем говорят, уже не могли говорить серьезно...

— Кто этот человек? — спросил, наконец, Велес, когда они расставались и не могли расстаться, — Иштас?

— Нет.

— Как хорошо, господи, — Велес выдохнул, — как хорошо, ничего не может быть лучше... Ты подожди убивать его, Гатынь, мы сделаем это вместе.

— Тебе нельзя, нет, — Гатынь покачал головой. — Ты не сумеешь.

Велес не выносил женских слез. Они действовали на него как зубная боль. Он становился суетливым, нервничал, не находил себе места, проклиная про себя ту, что плакала, того, кто довел её до этого, и самого себя, не способного прекратить эти слезы.

На этот раз плакала не просто женщина, а Арша, и её надо было утешать. Её нельзя было оставить просто так. Арша тоже почувствовала неладное, поднялась с утра к вертолету, и теперь у неё сдали нервы, как у всякой женщины, у всякого человека.

Господи, что значит утешать человека? Как? Ну замолкни ты, ну отдай мне всё, что тебя гнетет, ну звали на меня это, только замолчи. Отдай!..

— Арша, Аршенька, — вспомнил он свой последний довод, — я нашел брата. Настоящего брата, ты веришь мне?.. Это Гатынь. Он нам поможет...

Арша задержала рыдания, чтобы не пропустить ни слова о Гатыне, она даже убрала с ушей волосы, чтобы лучше слышать. Когда она забормотала, чтобы он отвернулся и не смотрел на неё в таком виде, Велес облегченно рассмеялся.

— Поздравляю с находкой, — буркнула она, совсем справившись с рыданиями, — надеюсь, ты возьмешь его с собой, когда мы выберемся отсюда?

— Обязательно, — Велес сидел в траве по-турецки, обкусывая лепестки качавшегося перед ним цветка, — я не могу без него. Я не видел его два часа и уже соскучился.

— А потом я возьму его себе. Построю ему дом в лесу, где он будет жить без паспорта и рисовать, пока я буду искать человека, похожего на него, чтобы украсть у него паспорт. Я не допущу, чтобы его снова отправили на остров.

Но её лицу было не понять, шутит она или говорит серьезно.

. . . . .

Велес действительно почувствовал острую необходимость встретиться с Гатынем. Он зашел к нему в палатку и увидел, что тот спит, причем лицо его, сонно сморщившись, стало совсем простодушным и детским. Велес посмеялся беззвучно над этим лицом и ушел.

Идти к своим и объясняться насчет вертолета с Малисом и Лиаверис не хотелось. Он мысленно переложил эту неприятную процедуру на Аршу и отправился бродить по лагерю. Пока Гатынь спит, у него есть время.

Он бесцельно бродил между палаток, размышляя, что для всех он по-прежнему всемогущий начальник, а на самом деле — такой же, как и все, и даже более жалкий, так как упавший с дерева всегда жалче тех, кто на это дерево не залезал. Навстречу все время попадались праздничношатающиеся люди, и Велес заметил, что взглядывает на каждого испытуемого и сортирует мысленно: одних налево — "друг", других направо — "враг", но больше всего вялой кучкой дожились посередине под флегматичной вывеской "все может быть". Гатынь так и не назвал имени убийцы, и Велес пытался определить его методом исключения. Не Гатынь. Не Иштас. (Господи, велика милость твоя). Не Симон. Не Нелида...

На свежих досках у недостроенного сарая сидела кучка парней. "Закурить не будет чего?" — тоскливо провыли они, когда Велес проходил мимо. Он вынул из кармана пачку и протянул им. У всех у них были в запасе папиросы, но они предпочитали их не касаться — как-никак запасов должно было хватить на всю оставшуюся жизнь. Пачка Велеса мигом опустела, и это дало ему право непринужденно присесть рядом на доски и окунуться в беседу. Даже не говоря ни слова. Сидеть, курить, слушать, как будто бы свой.

Говорил в основном Губи. Весело стреляя по сторонам бесшабашным глазом, он рассказывал, что есть в лагере умелец (не при начальстве будет сказано), который начал потихоньку конструировать самогонный аппарат. Повышенной мощности.

— Э нет, имени я не скажу, — тянул Губи, — я первый с ним подружился. Кыш, ненасытные!

Симон, на удивление сегодня молчаливый, смотрел на море.

— Вот Симу скажу, — обнял его Губи за плечи. — А вам ни-ни! Слышь, начальник, — окликнул он Велеса, — уезжать не скоро собираетесь?

Он слегка раскачивался на длинной, пружинящей доске, и тело его, играя гладкими мускулами, отсвечивало на солнце. "Красив, собака, — не в первый раз с завистью отметил Велес. — Одноглазый дьявол..."

— ...А то вот ребяташки затосковали без спиртного, соскучились. При вас же не разгуляешься. Даже по товарищу не устроили поминки, ничем не отметили это событие...

Губи говорил, уверенно и ослепительно улыбаясь. Его точеное, удивительно молодое лицо было обращено к Велесу, словно он ждал ответа. Неожиданно сидящий рядом с ним Симон заскрипел зубами и качнулся вперед.

- Ох, и напьемся же мы, мужики!.. Ох, и напьемся...

Велесу показалось было, что он вдребезги пьян, но не с чего было напиваться на острове, да и не в правилах Симона пить в одиночку.

- Ох, и устроим же, ребяташки, горькую...

Он говорил тихо, но постепенно нагнетая себя, и столько неприкрытой тоски было в его хрипе, что Велес пожегся.

- Ох, и пропьём же... всё на свете... м-мать твою!!! И повеселимся же... в-волю...

Симон кричал, и белки его глаз тараторились все сильнее, а зрачки были неподвижны и смотрели на море.

- Повеселимся, Сим! - Губи спрыгнул с доски и похлопал его по плечу. Симон жесточенно скинул его руки. Он кричал и ругался матом, и парни притихли, оторопев от этой не то игры, не то истерики.

Велес встал и пошел прочь, спиной чувствуя, как он враждебен им. Потому что свободен, потому что уедет отсюда, а они останутся. (Если уедет, - поправил он себя мысленно, - может быть, они уедут, а я останусь. Всё может быть).

. . . . .

Велес пошел к морю. Море сегодня почему-то притягивало всех. И там и тут на песке лежали сиротливые тела, хотя было прохладно. Ветер пригнал тучи, море переменяло окраску, а люди шли к нему, опускались на колени, окунали ладони, умывались, сморкались, молились.

Свобода, недосыгаемая, невозможная, носилась у горизонта, и можно было лишь плакать по ней. (А как же живут туземцы всю жизнь на маленьких островах? И не считают себя ссыльными?)

У берега качались две новенькие лодки. Занос будущего спасения. Велес направился к ним, чтобы рассмотреть поближе, но заметил в одной из них Зеу. Она оглянулась на его шаги, и в упор глянули черные, давящие, угрюмые глаза. Велес хотел было свернуть в сторону, потому что испытывал к ней непреодолимую боязнь, но не решился и продолжал идти прямо на взгляд. "Ну и взглядик у девочки, - отметил он про себя, - двадцать лет, моложе всех в лагере, а взгляд такой, будто три года подряд пытали, два года насильовали и пять

лет голодом морили..."

- Пять лет голодом морили? - поинтересовался он, усаживаясь на борт лодки. ("Убрать бы это страшное напряжение из глаз, да тоску из углов рта - красивая была бы девчонка...").

- Что?

- Да глаза, говорю, у тебя голодные.

Зеу промолчала. Велес никогда не мог найти с ней общего языка, и от этого чувствовал себя неуверенно и паршиво.

- Нелида - подружка твоя, если я не ошибаюсь?

Зеу пожала плечами, что можно было перевести как "бог знает..."

- Это правда, что она сидит безвинно?

- Правда.

Велес присвистнул.

- А, может, и ты зря сидишь? Я читал твое дело, там написано: "Сожгла дом со спящим в нем человеком". Что-то не верится.

Зеу молчала. Но она так сжала губы и отвернулась, что он понял, что сказала бестактность.

- Тогда извини, - Велес помолчал. - Я очень хотел бы спросить: за что ты сожгла спящего человека, но я не спрошу. Потому что если ты скажешь: он стоил того, я ни на секунду не усомнюсь. А если я поверю в это и не попытаюсь вытащить тебя из лагеря, я сам буду достоин того, чтобы меня сожгли. Ведь верно?

- Верно, - она кивнула и посмотрела на него с интересом. - Я сожгла его, потому что ничем иным не сумела бы его убить. А он стоил того.

Он знал, за что она сожгла человека. Вчера вечером прочитал. Вернее, она не назвала причин на суде, не произнесла ни слова, но по материалам дела, зная её характер, можно было догадаться. "Проклятая, гордая, скрытная и не подпускающая к себе душа. Гордость тебя погубит. Уже погубила..."

Зеу сидела на корме лодки, к нему в профиль. У неё были очень тонкие запястья и длинные, мягкие волосы. Спокойная, замкнутая на самой себе печаль - лучшее из её состояний.

- Послушай, - сказал он, - не в силах продолжать молчание, - а разве нельзя было наказать его иным способом? Обратиться в милицию?..

Зеу улыбнулась, и от этой улыбки мурашки пробежали у него по спине.

- Кажется, я сказал глупость, извини... - пробормотал он. Она больше не смотрела на него.

Велес почувствовал себя очень неловко и спрыгнул с борта в воду. Брюки намочили до колен. Он шел к берегу, чертыхаясь про себя, с багровой и напряженной душой, и лицо его было нелепым, и слава богу, что никого не было вокруг. Кажется, еще немного, и эта девчонка начнет его интересоваться так же, как Иштас. Почти как Иштас. (Господи, как давно я его не видел).

. . . . .

Было время будить Гатыня. Велес заглянул в палатку, но там никого не было. Он обеспокоенно обожегал глазами весь лагерь. Где... фигурка... невысокая, с черными кудельками... в заплатанных, ветхих брках... в вельветовом пиджаке... Ничего похожего. Куда же он подевался? Под нарастающий гул беспокойства Велес пошел по тропинке, намереваясь обыскать весь остров. Быстрые шаги его переходили в сутливую рысь. Он едва не столкнулся с Губи.

- Ты не видел Гатыня?

Губи остановился и поднял брови.

- Гатыня? - Он делал вид, что вспоминает. - По-моему, он на пляже... Или на волейбольной площадке, точно не помню...

Велес чертыхнулся. Он ругал себя мысленно за то, что ушел, оставил Гатыня одного, оставил чудом найденного братишку, и сейчас он черт знает где, и он уже выдохся, рыская по лагерю в бесплодных поисках. Велес пропитывался тревогой, как губка водой, и почти скулил от усталости. (- Танауги! Где Гатынь? - Не видел. - Симон, а ты?..)

"Я суетлив, как женщина, - сказал себе Велес, останавливаясь, - я предал брата..."

"Нелечка", - ему показалось, что целый день ему не хватало её. Нелька взяла жжж его за руку и повела куда-то. "Я предал брата, Нелечка, - сказал он, опускаясь в траву. - Скажи мне, что происходит? Посмотри на людей. Малкс желт, Зеу молчит и пугает своими глазами, у Симона истерика... Обо мне и говорить нечего: стар, смешон, криклив..." Нелька перебивала его, обнимая и играя пыльными прядями волос. "Прочитай мне что-нибудь своё, Нелечка, или расскажи..." Велес чувствовал себя разбитым и старым, приползающим к Нельке как к источнику, чтобы окунуть в него голову и разлепить глаза.

Нелька промлась ладонью по его лицу, разгладила брови. Она читала, чуть растягивая слова и придыхая: "Ведь верно ведь, даже на пегую лошадь... бросать непростительно грязные пятна... тем более,

если она так опрятна, что каждым пятном мы ей душу тревожим?.. Ведь верно ведь, пятная стирая, мы плачем... и можем, наверное, вовсе поникнуть... простительно прятать их, но не привыкнуть... к наличию влажных, прилипчивых пятен?.." Рука её шевелила ему волосы, и Велес не понимал значения слов. Он чувствовал только голос, который пробирался, проталкивал свою чистую, прохладную дорогу в его усталый, сумрачный мозг.

Велес приоткрыл глаза, чтобы Нелида не думала, что он убаюкан её стихами. Он смотрел снизу вверх на лицо, плывущее в белом свете, говорящее... Голове было жестко и холодно на сырой земле, и он переложил её к ней на колени. Нелька что-то читала или рассказывала, а он тиконько водил лицом вдоль её ладони, щекоча ресницами.

"Я так боюсь сказать о том, что страшно... Что ночь не дышит... что деревья, стервы... обеспокоены собою только... и шелестят о том, что их волнует... А окна дома, что напротив... грубы... и так наглы, как сытая отрыжка... перед голодным... Я хочу устать..."

— А где Гатынь? — спросил он её. — Где Гатынь?! — крикнул он, поднимаясь, в расплывчатое, акварельное лицо. — Что ты гудишь надо мной своими стихами? Девочка...

Глава 9

ТАНАУГИ

Танауги врал, что не знал, куда делся Гатынь. Гатынь спал, когда в палатку вошли двое, разбудили его и увели с собой. Танауги догадывался, зачем его увели и куда. Он вообще удивительно хорошо разбирался в окружающей обстановке, не прилагая к этому никаких видимых усилий. То, что делалось в радиусе пяти метров от его тела, он знал досконально, в радиусе ста метров — приблизительно, самую суть. Ко всему этому непроницаемость его и равнодушие не были напускными.

Его звали медузой. За толщину, равнодушие и вялость. Он мало говорил, еще меньше двигался, и совсем редко кто-либо видел его смеющимся или волнуемым. Скорее всего, таким его не видели никто. Усмешка — была. Маленькая, выделанная тонкими, бесцветными губами.

Лицо его так мало двигалось, что в сорок лет оставалось свежим и гладким, как у двадцатилетнего. Ибо где-то с двадцати лет Танауги стал таким, каким был сейчас. Он жил спокойно, потому что жил в себе, а там было тихо. Он закрылся ото всего, но не глухими стенами, а подобно медузе, прозрачной, желеобразной оболочкой. Он видел окружающий мир, но не пускал его к себе, а если мир упрямо пытался к нему пробиться, он спотыкался и запутывался в желеобразной массе.

В детстве Танауги был похож на всех. Он смеялся, когда было радостно, и плакал, когда обижали. Но однажды его особенно сильно обидели, и плакал он особенно горько, и размышляя о том, как сделать, чтобы его больше не обижали, он выдумал занятную штуку. Чтобы не плакать из-за обид, надо уничтожить обиды. Но будь ты и самым сильным, самым умным (а Танауги таким не был), беда все равно найдет тебя и прихлопнет неотвратимой лапой. Надо сделать так, чтобы беда не была для тебя бедой, боль — болью, а обида — обидой. Сначала это открытие было только заманчивой гипотезой, но постепенно он убедился, что МОЖЕТ претворить её в жизнь. Около пяти лет потребовалось для полного претворения.

"Мне это было не нужно", — говорил он себе, когда не достигал желаемого. "С ними не интересно", — когда дворовые ребята не принимали в игру. "Она мне совсем не нравится", — когда девушка, которую он выбрал, предпочла другого. Наверное, так говорят себе в подобных случаях и другие люди, но для них это временная, тоненькая защитная пленка, а Танауги окружил себя толстым, непроницаемым слоем. Ему в самом деле становились не нужны друзья, успех, красивые девушки.

Вторым большим достижением в этом росте самозащиты была победа над страхом. Танауги никогда не рисковал, не испытывал судьбы, но если опасность подходила близко и ласково брала его за подбородок, он смотрел ей в глаза, ожидая, когда она утомится и отстанет. Не парализованный страхом, мозг работал четко и ритмично и всегда указывал выход из любой ситуации. Его даже били редко, так как он не убежал и не сопротивлялся, и нападающим становилось неловко и скучно.

Третьей и последней его победой была победа над жалостью. Это была поистине великая победа, так как в детстве у Танауги сжималось сердце и слезы проступали из глаз из-за малейшего пустяка: при виде бездомного, мокрого котенка на улице, или когда заболела мать и лежала со слабым лицом, и в комнате пахло лекарствами. Справившись с этим, он мог считать, что достиг всего, чего хотел.

Убив в себе страх, печаль и ярость, Танауги тем самым уничтожил и противоположные чувства — изумление, радость, тепло. Сначала он не заметил, а когда заметил, решил, что всё закономерно, всё в порядке: шел он не к радости, а к отсутствию горя, и этого достиг.

Странно, что дерево, если обрезать ему все ветви, неминуемо умирает, а Танауги, уменьшая себя куда безжалостней, не только выжил, а собирался жить очень долго, гораздо дольше обыкновенных людей.

То, что он попал в лагерь, было чистой случайностью. Злодейством небес, таким досадным и смежотворным, что Танауги чуть было не возмутился, но вовремя одумался, посмеялся над ней и над собой, и отправился на острѳ.

В лагере к нему отнеслись неожиданно уважительно. На фоне общей нервозности, злости и тоски его невозмутимость и миролюбие притягивали и даже грели. Он хорошо готовил, работал поваром, в свободное время показывал фокусы или покладисто слушал чьи-либо бесконечные излияния, и будущее, которое наступит после отъезда начальников, казалось ему вполне устойчивым и надежным.

. . . . .

День был на переломе к вечеру. Танауги выбрал себе палатку на самом высоком месте, и сейчас сидел, наблюдая, как слева, справа от него и под ним спуют люди. Их мельтешение заменяло ему кино. Созерцая их под вечер, он думал каждый раз о самом приятном: о том, как переживет всех и останется в одиночестве. Совсем один на целом острове он будет жить долго-долго, и увидит, как сюда прилетят и снимут купол, и помилуют его за долголетие и выносливость. Купол снимали обычно лет через двести, и Танауги не сомневался, что доживет до этого и будет еще жить долго.

День был выходной, и люди изнывали от отдыха. В такие дни нечем было заткнуть глотку мыслям о доме, некуда было идти, кроме как к пляжу, где лежали одни и те же, опостылевшие друг другу фигуры, не о чем было говорить, кроме как пережевывать бесконечный вопрос, кому достанется власть. Думать не о чем... Воистину, воскресенье — самый ненавистный день на острове.

В пять часов, чтобы как-то взбаламутить эту тоску, по радио завели музыку. Её бурные звуки взметнули пыль на дорожках, пронесли по лагерю взад-вперед, встряхнули каждого и помогли расслабиться и прикрыть глаза, или наоборот, вскочить и забегать. Музыка была в уши, звон её отдавался в ногтях ног, но все обрадовались ей,

как будто она была событием.

Танауги любил музыку. Вернее, он не успел еще заставить себя её разлюбить. Она забивала голову, влезала в тело, вовлекала, заменяла жизнь. Музыка — фикция жизни, она волнует, печалит и радуется в мини-дозах. В маленьких, чистых дозах. Неопасных.

Изнывающий от неприкаянности и тревоги, пришел Лешен и присел рядом. Он делал вид, что тоже слушает музыку, и шевелил в такт ногами, но лицо выдавало, не подчинялось мелодии, и зеленые глаза смотрели настороженно и мрачно. Лешен не выносил одиночества, а атмосферу сдержанной истерики, которой дышали его родители, выносить было еще тяжелей. Он бессознательно придвинулся к Танауги совсем близко, словно стараясь заразиться спокойствием возле медлительного, невозмутимого тела, и тот похлопал его по шее, в который раз отмечая, что вот тянет к нему неизвестно зачем детей всех возрастов, начиная с младенческого...

— Может, сыграем в шахматы? — спросил Танауги. И Лешка сразу же с готовностью кинулся расставлять фигуры, радуясь, что нашлось занятие для головы и рук.

Они играли молча. Лешен — потому что не мог говорить ни о чем, кроме того, что его тревожило, а говорить об этом было нельзя. Танауги — потому что мог не разговаривать сутками, и его ничего не тревожило. Тревога Лешена его слегка забавляла, и он со слабым любопытством ждал, поделится ли он тем, что его гложет, или промолчит. Лешен молчал, все больше вовлекаясь в игру, и Танауги перестал о нем думать.

Они играли, растянувшись на траве, около получаса, когда перед ними возникли две длинные, узкие ноги, и знакомый голос вкрадчиво произнес сверху:

— Послушай, Тони...

Танауги поднял голову и встретился с радушной улыбкой на точеном смуглом лице.

— Послушай, Тони, — сказал Губи, стоя над ними, — я сейчас вот что подумал... Когда я стану, наконец, правителем этого жалкого острова, на какую придворную должность тебя назначить? Ты сейчас лажишь здесь, такой большой и толстый, а я проходил мимо, и у меня мелькнула идея: а назначу-ка я тебя на должность придворного палача? А? Как ты на это смотришь?

Танауги помотал головой.

— Нет. Должность придворного повара устраивает меня больше.

— Но, Тони, — Губи присел перед ним на корточки, так что колени

разлетелись в разные стороны, — ты неподражаемо спокоен и величествен, что как раз и требуется для такого дела.

— Но, Губи, посуди сам: раз я так спокоен, стоит ли мне разминывать это спокойствие видом крови и судорог жертв.

Губи скосил на него глаз и секунду молчал, скривившись.

— Значит, не хочешь?

— Не хочу.

— Жаль, — вместо того, чтобы уйти, Губи лег, вытянулся, смахнув с доски несколько фигур, и мечтательно посмотрел в небо. — Жаль... Придворный палач — очень хорошая должность. Я не хотел бы, чтобы она досталась какому-нибудь ничтожеству. Симон — хороший, подходящий мальчик, но он молод, и может отказаться казнить, если жертвой будет смазливая баба или собутыльник. Большинство — сопли и размазня. Кто посильнее — круглые идиоты. Не хочется, чтобы такая хорошая должность досталась её недостойному. Я думал, ты захочешь, Тони.

— А с чего вы взяли, что Велес отдаст Верховную власть вам? — До сих пор молчавший Лешен сделал этот выпад, стараясь вложить в свой голос как можно больше презрения.

Губи повернул в его сторону короткую шею с радостным любопытством. Танауги вздохнул и как-то жалостливо заулыбался. Губи стрельнул в него взглядом, словно спрашивая: сказать? Танауги кивнул, опустив глаза. С его лица не сходила улыбка.

— Запомни, мой мальчик, — Губи говорил ласково, но властные нотки прорывались и заполняли голос так, что Лешен машинально начал приподниматься с травы. — Велес уже ничего не может д а в а т ь , отныне даю или не даю только я и никто больше. Запомнил?

Лешен молчал. От неожиданности и унижения у него перехватило горло. Он хотел что-нибудь сделать, закричать или вцепиться в лицо Губи, чтобы этот красивый зверь перестал говорить такие слова, замолчал бы вообще, совсем...

— ...И вот еще что. Раз уж ты напомнил мне о Велесе, передай ему, будь добр, что я хочу его видеть. Мне надо выяснить с ним кое-какие вопросы, и желательно сегодня вечером. Ты меня слышишь? Понимаешь, о чем я говорю?

Танауги сгреб Лешена в охапку и слегка похлопал его по спине, чтобы вывести из столбняка, вернуть к жизни, к действию... чтобы он бежал отсюда, бежал к своим, к Велесу...

Губи, прищурившись, смотрел, как уходил от них Лешен, не медленно и не быстро, оглушенный, но не испуганный, злой, и выражение одобрения скользнуло по его кошачьему лицу:

- А вот из этого маленького звереныша я бы сделал человека... Если бы мне его дали в полное владение. Ей-богу, я бы сделал из него правую руку... А ты зря отказываешься, Танауги. Палач будет самым приближенным ко мне человеком. Вторым после меня, слышишь?

. . . . .

Танауги не поддерживал болтовни Губи, но тот и не думал уходить, а наоборот, развалился еще свободнее и поглядывал на него снизу с игривым дружелюбием. Танауги отвернулся, с тоской ощущая, как внутри его поселилась маленькая, совсем маленькая, но все же тревога, принесенная им, лежащим рядом, вместе со словом "палач". Он попытался отодвинуться, задремать, чтобы убить её в самом зародыше, но Губи не давал ему спать. Он говорил и говорил, а когда кончил и ушел, пришла Нелида. Танауги подумал, что сегодня он привлекает людей, как большая белая лампа - ночных бабочек. И чем только они привлекаются, неужели полнейшим равнодушием?

(Хотя к Нелиде он не был полностью равнодушен. Глядя на неё, он отмечал не раз, что эта невзрачная девчонка притягивает взгляд, и душу, и руки его, совсем чуть-чуть, конечно, он не позволил бы, чтобы кто-нибудь волновал его сильно, но и этого чуть-чуть хватало, чтобы выделять её из остальных и радоваться её приходу).

- ...Напоминает мне духи, терпкие и горькие, которыми душатся пожилые еврейки...

Она говорила о ком-то из своих любовников, по обыкновению. Мужчин Нелида воспринимала своеобразно. Они казались ей похожими на зверей, музыку, запахи, гоночные автомобили... И о каждом она говорила с увлечением, с сердцем, светя глазами и запинаясь от недостатка эпитетов. На этот раз она говорила с усилием, почти надсадно. Не до любовников ей было, не до ассоциаций, а - до Будра, до Велеса, до той трагедии, которая нависла над лагерем, и о которой говорить нельзя, потому что голос сорвется на крик и слезы, а она и так ревет сегодня целый несчастный день.

- ...И этот запах, знаешь, он так скребет по сердцу, как по железу жесть, как будто сердце тоже железное, и просто невыносимо его поэтому выносить...

Потом была Зеу. Сквозь все сгущавшуюся дремоту Танауги видел, как обе сидели перед ним, обнявшись, не то говорили, не то пели, не то жаловались, и Зеу была не такая черная, как обычно, как будто гнет, всегда ее окружавший, рассосался немного, и ей стало легче дышать и разговаривать... и еще кажется мимо пробежал Симон, не

то невыспавшийся, не то пьяный, и другие люди... Люди вертелись вокруг озабоченной каруселью, и Танауги чувствовал себя центром, потому что один оставался на месте, был спокоен, и уверенная тяжесть, пригвоздившая его к земле, не давала сдвинуться...

...Опять Губи... Симон... Оба вместе. И даже, кажется, самый страшный, неуловимый и пронзительный... сам Иштас тревожно раскачивался где-то с краю, словно желтая обезьянка над ветровым стеклом...

Они хороводили немудримо долго и не давали заснуть.

Глава 10

В Е Л Е С

- Господи, дай пожать твою милостивую руку: началось.

Велес вздохнул с облегчением и тихо рассмеялся. Лешен смотрел на него во все глаза, недоумевая, и Велес прекратил смех.

- Я не схожу с ума, Лешка, - объяснил он ему. - Я просто радуюсь, что игра наконец пошла в открытую. Это намного легче, поверь. Теперь я, ты и все остальные знаем, что это Губи. А не... другой кто-нибудь. Я действительно рад этому.

Он продолжал улыбаться, но такая невероятная усталость исходила от лица, глаз и голоса, что Лешен не верил тому, что он говорит. Он мысленно сравнил их обоих, Велеса и Губи, поставил друг против друга, и впервые за все это время испугался по-настоящему.

- Послушай, Лешка, - Велес встал, прошелся взад-вперед по комнате и остановился перед ним. Выражение усталости исчезло, лицо подобралось и затвердело. - Раз этот Губи, эта сволочь зовет меня на разговор, надо идти. То, что я тебе сейчас скажу, Лешка, ты передашь отцу. Это приказ. Вертолет сломан. Рация тоже. У берега стоят две лодки. На них вы уедете сегодня ночью.

Велес говорил кратко, отрывистыми фразами, словно хотел побыстрее закончить неприятный, морщивший его изнутри, разговор.

- ...Возьмите только самое необходимое. Побольше воды. Пойдете на запад. Там должен быть судоходный путь, вас заметят.

- А ты?

- Меня идите до двух часов ночи. В два отплывайте. Это приказ. Передать его отцу слово в слово.

Лешка с сомнением посмотрел на него. "Дурацкий приказ, - читалось в его лице, - пусть, кто хочет, подчиняется этому приказу. А я - свободный человек. И вообще..."

- Возьми меня с собой, Велес?! - он шагнул к нему и умоляюще заглянул в глаза. - Я передам твой приказ, слово в слово. Отец и женщины пусть будут в безопасности, а я... пригосжусь тебе. Вдвоем мы справимся?..

- Ты отличный парень, Лешка, - Велес улыбнулся ему, взял за плечи и подтолкнул к двери. - А сейчас беги. Я иду разговаривать с Губи, а не драться. Вдвоем нам нечего будет делать...

. . . . .

Велес думал о Гатыне. Гатыня больше нет. Раз Губи жив, значит Гатыня больше нет. Зачем он оставил одного этого несмышляшку, этого эстета, зачем он направил брата под нож?.. Никогда не простит себе.

О своей смерти Велес не думал и не боялся её. Он допускал, что его могут убить и, скорее всего, убьют сегодня вечером, но не верил в это. Ни разу в жизни его не пытались убить, и мысль о такой возможности казалась ему абсурдной. Разве нельзя договориться с двуногим, мыслящим существом, таким же в сущности, что и ты, который стоит перед тобой, смотрит в глаза? Разве нельзя найти такие слова, которые пробилась бы к нему, растопили, затронули, заставили отодвинуть нож от твоего горла?.. Мы все одной крови - ты и я... (Но Гатыня больше нет).

. . . . .

- Здоров, начальник, - Губи улыбнулся приветливо и радушно. - Садись, потолкуем. Впрочем, не здесь, нет, здесь слишкомлюдно. Поидем вон туда.

Он оглянулся, высоко задирая голову, и повел Велеса к скамейке у самого леса. Они сели.

- Играем в открытую?

Велес кивнул. Он продолжал думать о Гатыне.

- Ты, наверное, уже заметил, что с некоторых пор власть на острове принадлежит не тебе...

Велес поднял брови и взглянул с ласковым удивлением.

- Да-да. Мне доставляет некоторое удовольствие сообщить тебе, что власть эта отныне... моя. Говорю прямо, как договорились, а

чтобы ты перестал удивляться... разыгрывать удивление, я расскажу тебе, как к этой власти пришел. Подробно расскажу, если не очень спешить. Ты не очень спешить?

Велес молча покачал головой. Пока еще можно было молчать и отрешенно смотреть, как говорит Губи, как набирает воздух для длинного монолога, как двигаются его губы, пропуская слова, растягиваются, чаще всего в пределах одной самодовольной гримасы, временами замирают ненадолго и снова вспахивают и кружатся, живущие своей жизнью, совсем безразличные к произносимым словам. К произносимым страшным словам...

— Значит, так. То, что ваша Защита не работает, я понял четыре дня назад. Совершенно случайно. Шел мимо пляжа и увидел там заснувшего Лешена. Зачем-то взбрело в голову погладить его по голове.

Зачем? Интуиция... По идее моя рука должна была зависнуть над его головой, упершись в Защиту, но вместо этого она коснулась его волос, и я стал задумчиво их перебирать. Сначала я решил, что Лешен притворяется спящим, но он заворочался, просыпаясь, с недовольной и сонной гримасой, вполне непритворно. Надо сказать, что это открытие вселило в меня радостные, одному мне понятные надежды. И чтобы проверить их, я на следующее утро отправился гулять со стариком Будром. Напроказился ему в попутчики и всю дорогу рассказывал анекдоты, чтобы ему не было со мной скучно. Да... — Губи откинулся назад и хромолчал, словно вспоминая ту знаменательную прогулку. — Мне немного жалковать было старика, он был такой тихий, но если проверять — то до конца. Валуясь и играя, я вытащил нож и стал кричать ему, чтобы он включил Защиту, а не то я его зарежу. Старик посмеялся, но послал на всякий случай импульс — я видел, как напряглось его лицо — но испугаться, что импульс не подействовал, он уже не успел... Он легко умер. Одно движение — и старик стал еще тише и еще спокойнее, чем был. Мне бы такую смерть... Когда я увидел выражение блаженного покоя, которое разлилось по его лицу, я ему позавидовал. У мертвых бывают очень выразительные лица, ты не находишь?

Губи повернулся и посмотрел на Велеса так, будто и вправду ожидал ответа на свой вопрос. Велес отвернулся, сжав зубы и прикрыв глаза. Не дождавшись ответа, Губи продолжал.

— Если Защита не работала у Лешена и Будра, почему она должна работать у тебя и у всех остальных? Это был резонный вопрос, и утром ваши тусклые лица, слишком тусклые для одной скорби об умершем старике, подсказали мне, что я прав. Я дал вам денек отсрочки, что-

бы посмотреть, что вы будете делать. Вы кинулись к вертолету и сняли с него Задиту (хотя я ума не приложу, как вы это сделали и главное — зачем? Зачем не перед самым полетом?) За ночь вертолет несколько изменил свой вид и сделался непригодным для дальнейшего употребления. К чести твоей надо сказать, что ты не пал духом, а, наоборот, придал вертолету причлиный вид, подружившись при этом с милым молодым человеком по имени Гатынь...

Дойдя до имени Гатыня, Губи запнулся, задумчиво поцокав языком.

— Да... Гатынь... Кстати, он жив, — он повернулся к Белесу, напрыгавшему при звуках этого имени. — Жив, жив, — повторил он, улыбаясь, словно радуясь, что может сообщить эту новость, — и ты с ним скоро увидишься. Ненадолго, правда, но... но, впрочем, это не важно.

Белес поднял голову и посмотрел Губи в лицо. Радость родила в нем раскованность и облегчение.

— Это хорошо, Губи, что Гатынь жив. Ей-богу, я рад этому. Спасибо тебе.

Губи улыбнулся самодовольно и промолчал.

— А теперь перейдем к основному. Видишь ли, по природе своей ты гуманен, и я не могу сказать, чтобы ты, пользуясь своей властью, причинял вред мне или моим друзьям. Поэтому к тебе, как к бывшему начальнику, претензий у меня нет. Больше того! У меня нет претензий к тебе как к самостоятельной и мыслящей личности. Но! Здесь есть одно "но"... — Губи понизил голос до шепота и стал медленно наращивать его, театрально сверкая единственным бесояским глазом. — Я почему-то ужасно не желаю, чтобы хоть одна тварь унесла ноги с этого острова, в то время как я буду гнить здесь до скончания века. Не желаю!.. — Он перевел дыхание и снова заговорил спокойно. — Поэтому ты не уедешь отсюда, начальник. И никто не уедет.

Белес мягко улыбнулся и огляделся кругом, словно прикидывая, стоит ли это место того, чтобы оставаться здесь насовсем.

— А что мы будем здесь делать?

— Всё что угодно. Нужно только первое время, до приезда ваших людей с Большой земли, походить под надзором, а когда они приедут и перероят остров в ваших поисках, посидеть тихонько там, куда вас отведут... И ничего больше. Можете заниматься чем вам заблагорассудится. Не нарушая, разумеется, правил внутреннего распорядка и подчиняясь моему мудрому руководству... Кстати, у меня пустует должность лагерного палача. Танауги предлагал, а он, чудак, отказался.

Ты не хочешь? Не-ет, ты не захочешь, ты откажешься... Идрассудка-

ми опутан по уши, хоть и производишь впечатление раскованного чело - ве - ка...

Губи замолчал и расслабился. Его кошачье лицо стало благодушным, а взгляд - плавающим в истоме. Велес понял, что наступила его очередь. Надо говорить, надо сломать существующее, непререкаемое и дикое, и построить что-то своё... Надо делать. Он передернулся, отгоняя апатию и блаженную пассивность, и вздохнул,

- Видишь ли, Губи. Есё, что ты говорил, было очень содержательно и интересно... И актуально. Но ты не учел одного обстоятельства. Обстоятельство совсем небольшое, но кое-что оно способно изменить, как мне кажется. Дело в том, что испортилась Защита, но не Оружие. Они различны по своей биологической природе, и та зараза, которая разрушила фермент, ведающий Защитой, Оружия не затронула. Я не пускаю его в ход только потому, что не хочу, чтобы в отместку произошла какая-нибудь неприятность с моими друзьями. Которые действительно беззащитны. Этот факт что-нибудь меняет?

Губи взглянул на него с веселой симпатией и рассмеялся.

- Блефуешь, начальник? Н-ну, молодец! За это люблю.

Велес внутренне подобрался и зазвенел от напряжения. Он не собирался сдаваться и продолжал идти по туго натянутой проволоке, заставляя тело держаться железно, автоматически и нагло. Только глаза вырывались, жили двумя желтыми, напряженными до треска огнями. Он прикрыл веки.

- Блефуу, говоришь...

Главное в игре - не сфальшивить. А игра эта прекрасна, как всякая игра, где пронзает насквозь холодное, жгучее ожидание краха.

Губи задумчиво покивая головой и посмотрел на свою руку.

- Никогда еще не видел Оружие в действии. Должно быть, красивое зрелище. - Он протянул руку: - Будь добр, покажи, как оно работает. Испепели или отруби руку на свое усмотрение. Обойдусь одной правой. Я серьезно прошу, пожалуйста... Меня давно раздражает эта кисть.

Велес взял его руку и рассеянно повертел, рассматривая. Зачем-то провел пальцем по линиям ладони, удивляясь их странному рисунку.

- ...И, может быть, ты догадаешься, Велес, почему еще мне не хочется, чтобы ты уезжал... - Губи убрал руку и словно забыл про неё. - Посмотри вокруг. Тупость, зверство, разврат... Не лица, а морды. Не женщины, а суки. Словом, перемолвится не с кем - вот что ужасно. Я с тоски умру без тебя, Велес...

Он говорил просяще и жалобно, и вдруг резко свистнул, поднявшись

во весь рост. Спустя пять секунд из сумрака выросли две фигуры.

— Свяжите, — коротко бросил он.

Велес рванулся и получил короткий удар в подбородок. Сильные и грубые руки скрутили его так, что захрустели сухожилия, и дыхание свело от боли.

— А ты, сынок, хотел со мной блефовать. Со мно-ой — ты хоть понимаешь, что это значит? Впрочем, за это люблю.

Губи подошел к нему сзади и резко вывернул связанные руки. Велес вскрикнул от неожиданной и сильной боли.

— Мне скучно, Велес.

Губи поднял его голову за подбородок и пристально посмотрел в глаза.

. . . . .

— Зажги свечу.

Велес почувствовал, как сверху в лицо ему бросили спички. Руки, освобожденные от веревок, ссадили. Он зажег огарок, валявшийся на грубо сколоченном столе. Тесная землянка, запах перегноя и сырость... Четверо нар вдоль стен... На одних кто-то лежит, уткнувшись головой в руки. "Вот и торьма... Жильё моё. Последнее жильё?.."

Велес подошел к лестнице, ведущей наверх, и поднял голову. У края отверстия виднелась фигура охранника.

— Сиди, сиди, — дружелюбно сказал он, — раз попался. А на меня не смотри, мне запрещено с тобой разговаривать. — Он был добродушен и мускулист и смотрел на Велеса с веселым злорадством.

Велес отошел. Он тронул за плечо лежащего на нарах человека и негромко позвал: "Гатынь..." Человек не шевелился. Дикая мысль, что это не Гатынь, а труп Гатыня, пронзила его ознобом и сковала с головы до ног. Велес медленно, негнущейся рукой повернул его к себе, и озноб сменился горячей волной облегчения. Гатынь был жив. Его бледное и запрокинутое лицо слегка дрогнуло и вновь застыло, а глаза, не моргая, смотрели Велесу в переносицу.

Чувствуя, как озноб подбирается к нему снова, Велес бросился к выходу и крикнул наверх:

— Его, что — пытали?! (С-сволочи).

— Не... Упаси боже, — охранник покачал головой. — Он давно так лежит и не шевелится. Я так думаю, что просто от страха.

Велес вернулся к Гатыню и присел перед ним на корточки.

— Ну очнись же, — он провел рукой по его лицу и улыбнулся просительно и ласково: — Нас теперь двое. Это я, Велес. Гатынь... Ты же слышишь меня.

Он гладил его по лицу, отводил со лба волосы, и руки противно дрожали, потому что Гатень по-прежнему молчал. Каким должен быть страх и безысходность, чтобы достичь подобной окаменелости, безразличия ко всему на свете, даже к родному, даже к свету, даже к надежде на спасение?.. Велес зажмурился от боли и продолжал говорить, хотя слабость и отчаяние перехватывали ему горло. Он пересиливал их. Ему казалось, что он пробуждает мертвого.

- Мы вместе... Нас не тронут теперь. Мы скоро уедем... Мы всегда будем вместе, Гатень. Гатень... Всё хорошо...

Он понизил голос и шептал, будил, будоражил, пробуждал и укутывал в теплое, защищающее, родное...

- Га-атень! Очнулся, собака.

Он так обрадовался, что потерял голову.

Глава II

Л И А В Е Р И С

Вертолет сломан. Защита не работает. Велес исчез, и скорее всего больше не вернется.

Малкс собрал всех, как только стало ясно, что Велес не появится, и сообщил это. Подчеркнуто спокойно и сухо, стараясь не смотреть никому подолгу в глаза, но и не отводя взгляда. Арша закурила и стала ходить взад-вперед по комнате, постанывая сквозь зубы. Лешен молчал, сведя плечи, что-то обдумывая с нахмуренным лицом. Страннее всех повела себя Лиаверис. Малкс не на шутку испугался, когда она подняла на него спокойные, холодные глаза и надменно сказала:

- Бегство в два часа ночи? Без Велеса? Черта с два! Без Велеса я не уйду.

- Это приказ Велеса, - Малкс старался говорить мягко.

Лиаверис расхохоталась.

- И мой тоже, - он сменил тон на холодный и властный. - В отсутствие Велеса ты обязана подчиняться мне.

- Вот как, - она посмотрела на него с такой издевкой, что Малес почувствовал короткий и хлесткий приступ ненависти к жене.

Не прибавив ни слова, она выскочила из комнаты с резвостью пятнадцатилетней.

"Черта с два!" Лиаверис находилась в каком-то приподнятом и диком состоянии духа. Она решила действовать. Пришел её час. Пришло время раз в жизни совершить стоящее, острое и восхитительное ДЕЛО. Такое ДЕЛО, на которое можно будет потом опираться всю жизнь. "Я не уеду!" Такое ДЕЛО, которое пройдет сквозь её рыхлую, пеструю судьбу ослепительным и твердым стержнем... "Я не уеду! отсюда! без Велеса!"

Лиаверис долго и тщательно красилась перед зеркалом, весело и дерзко смотрела на свое отражение. Напевая, надела самое любимое платье, и гордо тряхнула головой, оглядев себя во весь рост. Красивая, черт побери. Острая, резкая, вздорная - сногшибательная! - красота. И 34 года - совсем не старость. Совсем нет!

Выпить бы. Она вышла на улицу и порадовалась, как подходит к её настроению теплый, душноватый вечер с тревожными, ярко-малиновыми красками заката. Выпить бы и - раскрутиться, разгуляться... положиться на алкоголь как на доброго бога, который сделает тебя раскованной, ослепительной, всемогущей...

Вокруг шумел непонятный и какой-то судорожный праздник. Из столовой доносилась танцевальная музыка. Люди были возбуждены и болтливы. Был выходной, но в обычные выходные не случалось таких ярких огней, резких движений и громких голосов.

Лиаверис вошла в столовую и танцующей походкой прошла по самой середине зала. ("Всё это для меня - и музыка, и хмельное возбуждение, всё это моё, мне на руку!"). На нее взглянули ошарашенно и насмешливо. Улыбаясь, розовея и посмеиваясь, Лиаверис нашла место на виду у всех, в самом центре, и огляделась вокруг. "Губи? Ага, вот и он. Губи!" Она мысленно крикнула ему что есть силы: "Губи! Оглянись!"

Губи оглянулся и поднял брови в комическом изумлении. "Подойди же!!!" (Она покраснела от напряжения и улыбнулась еще очаровательнее). Вот теперь на нем, на этом бездушном подлеце и убийце, надо сосредоточить все волшебные, женские силы души своей... Чары. Нужно забыть, что это тупой зверь и убийца, и тогда всё получится. Или нет... Наоборот, не забывать, а представить себе это как можно ярче и кровавей, и тогда всё получится вдохновенно, жгуче, остро. Должно получиться... Разве не живет в ней это самое древнее, самое сильное

и самое парализующее искусство? Зачем тогда ей дана красота? Что ей стоит собрать самые нежные и властные силы души и всего тела, и заставить их петь, завораживать, оглушать и опутывать до потери рассудка и воли?.. До состояния изнеможения и покорности, в котором мужчина выполнит всё, что ему прикажут... Что ей стоит раз в жизни совершить подобное чудо? Для чего же она тогда родилась, жила, цвела, думала все тридцать четыре года, если не для этого?.. Выпить бы... Самую чуточку, чтобы ярче горели щеки и блестели глаза. И чтобы свободнее вышлестнулось наружу древнее восхитительное и непобедимое волшебство. "Я женщина", — Лиаверис рассмеялась про себя от величия этой фразы. — а это значит — я всемогуща".

Губи пожал плечами и, светски улыбаясь, подошел и сел рядом.

. . . . .

— Извините, — Губи поднялся со стула и зажег свет.

Минут пять он молча слушал в темноте прерывистый, вдохновенный шепот Лиаверис и чувствовал, как её тонкие пальцы, и даже не пальцы, а только острые кончики ногтей осторожно скользят по его шее. Он повел шеей, избавляясь от зудящего, будоражащего ощущения.

От яркого света Лиаверис вадрогнула и отшатнулась. Она смотрела на Губи в упор, и неприкрытое лицо её горело отвагой, ненавистью и жадностью. Она потянулась к выключателю, и Губи мягко отвел её руку.

— Милая, я нахожу упоение в другом, — искра раздражения мелькнула в его глазу и тотчас сменилась выражением усталой, снисходительной мудрости. — Идите к Симону.

— Вы не мужчина?! — Лиаверис метнула на него презрительный взгляд, не желая сдаваться. ("Бог с ним, со светом. Так даже лучше — чем ярче свет, тем лучше её видно. А какое лицо у неё сейчас... О! — она чувствует, какое у неё лицо, и сама замирает от восторга. Перед самой собой").

— В этом смысле — нет. Пожалуй, что нет... — Губи разглядывал её со спокойным любопытством. — И, представьте, не стыжусь этого.

— Но я же, я!.. — Лиаверис упала перед ним на колени и протянула вперед руки. — Я не могу без вас. Мне нужны вы. Мы скоро уедем, и я не могу не раскрыться. Это выше меня. Я хочу вас... Это дьявол...

Она бормотала, не сводя с него умоляющих, резких глаз, и одной рукой расстегивала пуговицы на платье, высвобождая тело в помощь своему голосу и кричащим глазам. Губи взглянул на её грудь, появляющуюся из-под одежды, словно бледное сокровище. Он поднялся и присел на корточки рядом с ней. Лиаверис умолкла, как только его рука кос-

нулась её груди, и, задышав, потянулась к нему губами. Губи медленно и аккуратно стал застегивать ей пуговицы на платье, и при каждом его касании Лиаверис вздрагивала, и недоумение остужало ей глаза.

— Значит, так, — Губи поднял её с пола и поставил на ноги. — Симон — мой заместитель. Я думаю, с этим он справится не хуже меня. — Он подвел её к выходу и раскрыл дверь. — А если хуже — скажите мне. И я прогону его прочь из заместителей.

Лиаверис вышла из дому и прислонилась к стене. Плакать нельзя. Она тихонько завывала. Плакать нельзя, потому что потекут глаза, и лицо станет грязным и унижительным. Но слезы все равно накапливались, и глаза щипало от краски. "Ну и пусть. Пусть. Импотент проклятый. Может быть, его оскостили??" — от этой мысли, показавшейся ей правдоподобной, Лиаверис расхохоталась злорадно и уничтожительно. "Скопец". Она тряхнула волосами и пошла прочь по тропинке, пошатываясь, но быстро и резко. "Господи, его же пожалеть надо! Упоедие в другом! Это в резне людей, что ли? Бедняжка..." Она шла и нервно смеялась, и слезы брызгали у неё из ~~хле~~ прижмуренных глаз на тропинку.

. . . . .

"А, впрочем, Симон — это выход. Он подав дельную мысль — Симон. Второй человек в лагере после Губи. И он — мужчина. Уж он-то мужчи-на на все двести". — Лиаверис приняла решение и сбросила с себя назойливые объятия унижения и досады. Действовать надо. Дей-ство-вать.

Она ходила по лагерю, энергично и злобно оглядываясь по сторонам в поисках Симона. ("Сделать чудо. В 34 года сделать чудо"). Вдохновение тоненькой струйкой уходило вовне, но она гнала прочь мысль, что чуда может не получиться. **Н а д о** сделать. "Симон!" — высоким капризно-требовательным голосом позвала она. Симона нигде не было видно.

Вместо Симона она неожиданно столкнулась лицом к лицу с сыном, вынырнувшим из-за кустов.

— Мама! — Лешен обрадованно кинулся к ней и взял за руку. — Отец велел найти тебя и быть с тобой...

— Ах, оставьте же меня! — она раздраженно выдернула руку и отшатнулась.

— Отец велел быть с тобой, — Лешен подошел к ней снова и встал рядом. — Пойдем домой.

— Ах, ты, маленький надсмотрщик! — она даже замахнулась, чтобы ударить его по щеке, но только простонала сквозь стиснутые зубы,

махнула рукой и кинулась прочь, не разбирая дороги.

Выбежав к морю, она попала каблуком между камнями и подвернула ногу. Вскрикнув от боли, села прямо на землю и заплакала в голос. Боль в ноге завершила и переполнила... "Господи... Сделать чудо... В 34 года... Он моложе меня в два раза, господи..." Волшебство, чары и уверенная дерзость исчезли и забылось само ощущение их. Нога болела, сидеть на холодных камнях было холодно, и родной сын от нее отвернулся и презирает. И Велеса больше нет.

. . . . .

- Кто тут ревет?

Лиаверис испугалась и затихла, пытаясь рассмотреть, чья фигура выросла перед ней в темноте. Иштас наклонился и заглянул ей в лицо.

- А, вот это кто.

Узнав его, она отшатнулась и прикрыла лицо руками.

- Я страшен?

Лиаверис пересилила себя. ("Еще бы не страшен, господи").

- Помогите мне подняться, - сказала она высокомерно и подала ему руку. Лицо её, с темными подтеками от косметики, так не вязалось с её тоном, что Иштас усмехнулся. Он всегда усмехался, и Лиаверис не придавала этому значения. И она совсем не думала сейчас о лице. Это Иштас. Всего только он. Его можно бояться или ненавидеть, но стесняться нелепо.

- Почему вы гуляете по ночам один, как призрак?

- Вымой лицо, - вместо ответа он подвел её к морю и плеснул в глаза водой.

- Разве мы с вами на "ты"? - недовольно и холодно произнесла она, опуская ладони в воду и осторожно протирая веки.

"Мама!" - раздался крик со стороны лагеря. Лиаверис не откликнулась.

- Сын зовет.

- Я слышу.

Иштас рассматривал, как тщательно она умывается и приводит себя в порядок, и криво улыбался.

- Чему вы улыбаетесь?

Он молчал.

- Почему вы не отвечаете, когда вас спрашивают?

- Потому что я говорю тогда, когда мне хочется.

- Ого. - Она подумала, что бы еще сказать или сделать, чтобы не чувствовать себя так неуверенно рядом с этим жутким и жалким

человеком. — Вы — человек?

— Это вопрос или утверждение?

— Я только сейчас догадываюсь, что и вы — человек. И вас можно поцеловать. — Она притянула его за шею и поцеловала в уголок глаза, рядом с виском. ("Ну и страшилище... Нет, должно быть, в таких уродливых мужчинах таится особая притягательная сила. Будь я его любовницей, меня бы стошнило. А, может быть, только в первые разы?.." — она улыбнулась игривости своих мыслей). — Это за то, что вы вымыли мне лицо. А почему вас все ненавидят?

— Потому что я делаю только то, что хочу.

— Это бред, — она иронично рассмеялась. — А вы знаете, отчего я плакала?? Я пыталась соблазнить Губи, а он оказался безразличным к сексу... Вам, кстати, не известны причины этого? — А соблазнить его мне было нужно из чисто деловых соображений...

Иштас рассмеялся.

— Что вы смеетесь?

— Ночь теплая, потому и смеюсь. А ты — дура.

Лиаверис вскочила и гневно охнула, не находя слов. Иштас опять засмеялся и, широко взмахнув руками, обрызгал ее водой с головы до ног.

— Пошла прочь, — сказал он коротко.

Лиаверис вздрогнула и отступила назад в страхе. Потом повернулась и молча исчезла. "Мама!" — опять донеслось издали, уже тише и неуверенней. И она побежала на зов, как на свет и тепло. На спасение.

Г л а в а 12

— Не хочу говорить на эту тему, — отрезал Симон. — Молчи.

Зеу замолчала. Она сидела на траве, обхватив колени руками. Симон валялся рядом, положив руки под голову, и смотрел на звезды. Было не поздно, около десяти вечера, и лагерь шумел еще полной жизнью где-то впереди, за деревьями. Сегодня Симон одарил её неожиданно благосклонностью, что случалось четвертый раз за эти два месяца, и

Зеу хотелось растянуть минуты, продлить вечер до бесконечности. Но молчать не хотелось. Её тянуло гладить его лицо, целовать брови и говорить, рассказывать о себе, узнавать что-то о нем, делиться, смеяться, шутить... Сильнее всего Зеу страдала и мучалась от того, что Симон разговаривает и смеется большей частью не с ней. (Что он целует не ее — шут с ним. Это можно вытерпеть. Хотя тоже больно. Больно, больно...) Симон же молчал, чувствуя приятную расслабленность во всем теле. Ему не хотелось ни говорить, ни двигаться.

Зеу заговорила и, конечно же, не о том, о чем нужно. Она спросила, как может Симон быть приятелем такого мерзавца, как Губи. Он ведь даже хуже Иштаса, потому что Иштас по крайней мере не прячет свою сущность. Симон нахмурился и заявил, что не позволит плохо говорить о своих друзьях.

— Запомни, — он приподнялся на локте, — выбирая между женщиной и другом, Симон выберет друга. И даже когда я выбирал между любимой женщиной и другом, я выбрал друга.

— Но разве он тебе друг?

— Стал другом.

Симон оборвал разговор, и теперь они оба молчали. Становилось холодно. Зеу поёжилась, тихонько вздохнула. Симон примирительно обнял её и притянул к себе. Трава была мокрая, они лежали на куртке Симона, и сырость проступала сквозь нее.

— Сим, ты не любишь Нелиду?

— Не-а. Я никого не люблю.

— А зачем ты тогда с ней...

— Хочется, — просто ответил он. — Я люблю женщин. И девушек... — он мечтательно приделкнул языком, — только их здесь нет, к сожалению.. А Нелида к тому же и неплохая девчонка. Как человек. Как любовница тоже ничего.

Зеу отвернулась и уткнулась лицом в сырую траву. Она лежала головой на руке Симона, и рука эта небрежно перебирала ей волосы и щекотала ухо. Она повернулась и коснулась её губами. (Поцеловать? Укусить? Сильно-сильно ударить?)

Симон провел ладонью по её лицу и почувствовал слезы.

— Ну перестань, перестань. Сама же заговорила на эту тему. Не нужен мне никто. Ни девушки, ни бабы. Успокойся.

"Зеленоглазая язва. Единственное, что у меня есть. И без чего я не могу жить. Чего у меня нет, но что можно обнять и забыться призраком обладания..."

Зеу придвинулась ближе и прижалась к Симону, чтобы чувствовать его тело. "Всякого люблю его, всякого, грязного, пьяного, голого, со всей его сворой любовниц и сальных острот..." Она закрыла глаза и вжалась лицом в его плечо, на котором лежала и молилась мысленно в ночную тишину, отрешаясь от всего, отворачиваясь хоть на несколько минут от жизни. "Не отнимайте у меня, боги, зеленоглазого мальчика... Развратного, наглого, единственного..."

- - Пусти, не дави так. Трудно дышать... - Симон заворочался, высвобождаясь.

. . . . .

"Си-мон!" - крикнул кто-то со стороны лагеря.

- Это Губи, - сказал Симон, приподымаясь. Он громко свистнул и закричал: - Сюда! Я здесь, Губи!

Зеу вскочила и с ненавистью посмотрела в темноту, откуда доносился властный протяжный голос. Мысленно она желала Губи сломать в темноте ноги, хребет, шею и не найти их в лесу. Но Симон продолжал свистеть и кричать, и Губи скоро вломился сквозь кустарники прямо на поляну. Увидев Зеу, он коротко хмыкнул, подмигнул Симону и бросил ей: "Вали", кивнув в сторону лагеря.

Зеу встала и ушла, стараясь двигаться с достоинством и безмятежно. Но с лицом ничего нельзя было поделаться. (С душой ничего нельзя было поделаться. Жить не хотелось).

Она прошла немного по тропинке, ведущей в лагерь, потом повернула обратно и вошла в лес. Дойдя до места, где отчетливо были слышны слова, произносимые на поляне, Зеу присела на поваленное дерево, стараясь не хрустеть ветками, и стала слушать. Ей дела не было до Губи, но она затаилась в темноте, чтобы узнать, чем живет и дышит Симон. Ей мало было изредка спать с ним и говорить о лагерных пустяках, ей нужно было его всего, господи! - его всего. Войти в его мир, разделить с ним радости и заботы, может быть, даже не очень светлые, - ведь это обязательно, без этого нельзя. И что за дела у него с подлецом Губи? Она не может не знать этого, она обязана знать.

"Он мой. И тысячу женщин пропустишь ты сквозь себя, и ни одну не запомнишь, ни одна не останется в тебе. А я буду вечно. Потому что ты мой..."

. . . . .

- Здорово, Сим.

- Привет.

Они пожали друг другу руки, хотя виделись днем.

- Я тебя искал, понимаешь, по всему лагерю. Бсть серьезный разговор.

- Ну валяй, раз серьезный, - Симон пододвинулся, и Губи сел рядом с ним на куртку. Он помолчал, искоса поглядывая на Симона и улыбаясь.

- Ну, не тяни...

- Дело вот в чем, Сим: с сегодняшнего дня власть в лагере перешла в мои руки. И не делай вид, что удивлен этим сообщением, все равно не поверю. Да и сам посуди - кто же, если не я?. У начальников сломалась Задита, а у Велеса еще впридачу и Оружие. Велес сейчас в надежном месте, остальные не опасны.

- Значит, это ты убил Будра? - Симон поднял на него тяжелые, звериные глаза.

Губи помолчал.

- Брать не буду, мои ребята.

- И много у тебя ребят?

- Много, Сим. Гораздо больше, чем у тебя, и тем более у Велеса. Я потому и пришел, чтобы ты не наделал глупостей.

- Ты думаешь, больше?

- Больше, Сим, - Губи сказал это с ласковым вздохом, - За тебя одни молокососы да кучка баб, а у меня - несколько верных ребят еще с воли. В придачу те, которых мы с ними завербовали здесь. У меня армия, Сим, как ни смешно это звучит. Человек двадцать мужиков, которые знают свое дело и которых все остальные боятся как проказы.

Симон молчал, ожесточенно покусывая усы. К черту все мечты об Абсолютной власти. И ршил всё это не кто иной, как Губи. Тот самый Губи, которого с недавнего времени он называл лучшим своим другом.

- Ну, ты зря раскис раньше времени, - Губи успокоительно похлопал его по плечу. - Ты ведь меня не дослушал. Абсолютной власти теперь никому не видать, а власть прстая, челковеческая, досталась нам с тобой. Слышишь? Я серьезно, Сим, все мои ребята уже в курсе, что ты мой заместитель. Мы договоримся. Я выделю из своих ребят тебе охрану и не думаю, что наши интересы когда-нибудь пересекутся.

- Ты предлагаешь двоевластие?

- Да, пожалуй, это можно назвать таким словом. Пусть будет двоевластие, Сим. Лишь бы мы с тобой никогда не ссорились.

- И значит, права будут одинаковы?

- Абсолютно.

- Ну тогда вот что, - в глазах Симона загорелись оживание и азарт. Он испытующе взглянул на Губи. - Поскольку мы равны в отно-

шении власти, вот мое первое желание: отпусти Велеса и всю его шайку с богом.

Губи надовольно поморщился и взглянул на него укоризненно:

— Сим, ты же умный парень, зачем ты говоришь чушь? Если Велес освободится, он казнит меня за Будра. Неужели ты хочешь моей казни?

— Какого же черта ты ему раскололся про Будра? Раз у тебя всё так хорошо организовано, ждал бы, пока они уедут. А потом — разворачиваться.

— Значит, счел это нужным, — Губи перестал улыбаться и посмотрел на него пристально и холодно. — Мне казалось, что я пришел к другу, Сим. Если я ошибся — скажи... — Он помолчал и смягчился. — Разве я требую отчета в твоих поступках? Каждый из нас, сильных, волен как ветер.

— Эт-то верно, — Симон стиснул голову руками и задумался. Велесу — конец. Жалко, стоящий парень. Делить власть с Губи — черта с два из этого выйдет что-нибудь путное. Всё паршиво — куда ни глянь. И нет выхода.

Зеу слушала в темноте, напрягая тело, чтобы не было холодно. Молчание Симона затянулось. Ей очень важно было знать, что ответит Симон. Что сделает Симон? Кто он, Симон?

— Губи, — тихо спросил Симон после долгого молчания, — за что ты сидишь здесь?

— Ты же знаешь, — так же тихо и как бы устало ответил тот.

— Только по слухам. За садизм?

— Да. За садизм, Симон, — Губи сказал это неожиданно громко и отчетливо и рассмеялся. Симон взглянул на него, не понимая, чему тот радуется. — Ага, — Губи смотрел на него, продолжая улыбаться не то зловаще, не то восторженно. — Черт с тобой, раз все равно знаешь. Зато теперь хоть поделиться можно. Впечатлениями... Веселая это штука, ей-богу. Они все разные, Сим. Голоса разные... лица... А — умоляют отпустить одинаково, хрипят одинаково... Кровь у всех — одна... Все одно и то же, Сим, а не надоедает! Как водка. Как опиум. Ты не поймешь, жаль...

Симон смотрел в землю, и губы его были закушены, а вены на лбу вздувались.

— Значит... — голос его немного охрип... — эти пятеро... тебе нужны для этого?..

Губи откинулся назад и зло прищурился.

— Ты удивительно догадлив, мой мальчик. Они нужны мне для этого. И заметь, не только они. Ибо раз в три-четыре месяца —

это мой минимум — мне нужна живая тварь, чтобы после небольшого общения она перестала быть живой, доставив мне удовольствие. Но Велеса я оставляю напоследок, будь уверен. С ним поговорить можно, это ценный человек для островной жизни. А начну с Иштаса. На него у меня давно положен глаз. Или нет — с... Гатыня. Я ему обещал. Да, Гатыня нужно первым...

Симон сделал в голове небольшой подсчет:

— Через двадцать лет при твоих темпах тебе придется одному кувать на этом острове.

— О... — Губи рассмеялся, — тебя я не трону, Сим, в любом случае, так что уже не один.. А также — тех баб, которых тебе захочется сохранить. Я же сказал, мы с тобой всегда сумеем договориться. Ну, и мужиков — с десятков. Будет, конечно, скучновато, но что делать. В одиночной камере, говорят, еще скучней.

Симон чувствовал, как крупная дрожь пробирает его до костей, и он молчал, злясь, что если заговорит, дрожь эта будет заметна Губи. К чертовой матери! Он выругался ожесточенно и хрипло, и дрожь поутихла.

— Но ведь это неизлечимо, Губи, — сказал он, когда овладел наконец своим голосом, — тебе придется прихлопнуть и тот десяток, и меня с бабами, а то ты спишишь. Так и так ты спишишь, но во втором случае — немного позже.

— Я же сказал, — повернулся к нему Губи, — могу повторить по складам: тебя я не трону. Ты мне друг, Симон. А над друзьями издеваться грешно. А спячу я или нет, об этом думать рано. Может, наоборот, стану таким же непроницаемым и толстым, как Танауги. Время покажет.

Губи резко поднялся и протянул Симону ладонь для пожатия.

— Засиделся я тут с тобой. Разоткровенничался. Ты подумай, Симон, до завтра, и утречком скажешь мне, что решил. Я бы очень хотел, чтобы ты был со мной. — Губи двинулся к лесу и, не доходя до него, обернулся: — То, о чем мы говорили с тобой напоследок — треп, Симон. На самом деле всё не так кроваво и страшно. Я поугагать тебя хотел. Ты молодец, не растерялся. Спокойной ночи. Прислать тебе твою красавицу, если увижу её по дороге?

— Не надо, — глухо проворчал Симон.

... ..

Зеу зашуршала кустами и вышла на поляну. Симон вздрогнул.

— Тебе чего? — хмуро спросил он, когда узнал.

Она, неж отвечая, подошла и села рядом. Симон неохотно подвиг-

нулся.

— Спать пора, Зеу, — вдруг сказал он, зевая. — Пойдем в лагерь.

— Посидим еще, — попросила она, глядя вперед остановившимися глазами.

Симон не смотрел на нее и не замечал её глаз.

— Да ты замерзла вся, смотри, — он похлопал её по холодным плечам. — Пошли, пошли. Завтра еще насидимся и послезавтра, вся жизнь впереди.

Зеу совсем не была уверена, что завтра и послезавтра Симон будет с ней, но промолчала. Он не сказал ей ничего, это было самое главное, он не доверял ей. "Нелиде, наверное, скажет, — эта ревнивая мысль ударила её изнутри. — Ей он всё рассказывает..."

Они подходили к лагерю. "Господи, какая она дура, — тоскливо думала о себе Зеу в третьем лице. — То, что он не сказал ей ничего, а расскажет всё Нелиде, гораздо страшнее и больнее для нее, чем то, что она услышала. А услышала она такую дикую и страшную вещь... Но он расскажет всё Нелиде, это больнее..."

— Симон! О чем говорил с тобой Губи? — тихо спросила она с совсем маленькой и слабой надеждой.

— О наших с ним общих мужских делах, — Симон приобнял её на прощанье. — Ну, иди спать.

Он ушел к своей палатке, а Зеу осталась стоять, не в силах двигаться от охватившей её тоски. В голове медленно перекачивались мысли, одна чернее и тяжелее другой. "Симон мне не доверяет... Симон не любит меня. Губи — садист. Симон с ним заодно?... Такая же сволочь и мразь, как Губи?... Велеса убьют". Последняя мысль вернула её к жизни и придала силы. Велеса надо спасти. Надо вытащить его из смерти во что бы то ни стало. И сделать это должна она. И Нелида.

Своя черная, черная, черная жизнь еще не заслонила ей глаза от других жизней. Нельзя допустить, чтобы не стало Велеса.

.....

Зеу разыскала Нелиду и рассказала ей всё. Уже через три минуты они были в доме начальников, куда притащила её Нелька за руку, заражая своим возбуждением, негодованием и страстью. Там не спали и готовились к отъезду. Малюс дернулся, когда увидел их, и гневно свел брови. Нелька не дала ему говорить:

— Вы уезжаете без Велеса?

— Кто тебе сказал, что мы уезжаем? — Малюс овладел собой и говорил спокойно.

- Я вижу, - Нелька кивнула на разбросанные в беспорядке вещи. - А вы знаете, что его убьют? Убьют, если вы не вмешаетесь?!

Диаверис, сидящая в углу на стуле, вдруг запричитала, раскачиваясь из стороны в сторону.

- Не беспокойтесь, девочки, мы выручим его, - Арша мягко подошла к ней и положила руки на плечи. - Мы выручим, как только станем сильнее их.

- Что ты говоришь, Арша, - Малюс раздраженно посмотрел на неё и снова повернулся к Нелиде. - Мы никуда не собираемся уезжать. И тем более не уедем отсюда без Велеса. Идите домой и успокойтесь.

- Врете! - Нелька была вне себя. - Вы бежите как крысы! Вам плевать на него!

- Нет!!! - закричала Диаверис. - Нет! Я не уеду без него! Я клянусь, что останусь здесь, - она протянула вперед пальцы с длинными ухоженными ногтями и потрясла ими. - Я задушу их... эти ми руки... клянусь...

- О господи, - Арша вздохнула, - ну пожалуйста, идите отсюда, нам и так тяжело.

Зеу за все это время не произнесла ни слова. Она стояла у двери, прислонившись к стене и напряженно вглядывалась в происходящее. Неожиданно резкий толчок отбросил её в сторону, и она упала, стукнувшись об угол железной кровати. Комната наполнилась людьми, топотом, пронзительными криками Нелиды и Диаверис, шумом борющихся тел.

- А где пацан? - раздавшаяся мужской голос, когда всё относительно стихло.

- Сбежал пацан. Кажется, в окно.

- Ничего, поймает.

Арша, Диаверис и Малюс стояли посреди комнаты со связанными руками. Нелида со злым лицом потирала ушибленную руку. Лицо и губы её всё были разбиты.

- Поймаем пацана, - повторил мужчина. Он подошел к Нельке и взял её рукой за горло. - А ты, сука, если будешь вмешиваться, окажешься вместе с ними, ясно?

Нелька промолчала, с ненавистью полоснув по нему глазами. Второй мужчина захохотал, глядя, как Диаверис почти в беспомощности извивается, пытаясь достать зубами веревки, стягивающие руки.

- Вера, успокойся, - сказал раздраженно Малюс. Одежда на нем была порвана, но он сохранял прямую и сухую осанку.

Арша тряхнула головой, отгоняя со лба волосы, и улыбнулась:

- А я так даже рада, потому что успела здорово соскучиться по Велесу.

Малос покосился на неё с ненавистью и ничего не сказал.

- А сыночек мой все равно ушел, - хордым, плачущим голосом произнесла Диаверис.

- Поймаем сыночка, - пообещал мужчина. - Остров всеж-таки. Далеко не уйдет.

Глава 13

Н Е Л И Д А

Нельку разбудила сильная головная боль. Распухшее лицо и губы в запекшихся ссадинах ныли. Она с трудом поднялась и села на кровати, спустив ноги на пол. Завтракать не хотелось. Хотелось выйти на сильный-сильный ветер, чтобы он вытряхнул из неё и унес головную боль, а заодно (это было бы совсем славно) - всю ту пакость, которая случилась вчера вечером.

Зеу лежала на кровати напротив с открытыми глазами и неподвижным лицом. Она умела часами лежать в подобной позе, не шевелясь и не издавая ни звука. "Труп, чувствующий тоску" - по определению самой Зеу. Нелька вычитала эту фразу в её дневнике, который просматривала иногда, когда Зеу не было дома. Она не считала, что читать чужие дневники - неблагородно и низко. Неблагородно рассказывать кому-нибудь о том, что прочла, или цитировать выдержки из прочитанного самой же Зеу. Нелида ничем не давала понять ей, что знает... И вообще - не читать чужие дневники, если есть такая возможность, значит быть к этому человеку недопустимо равнодушной. Слава богу, этим грехом Нелька не страдала.

Бодрая утренняя музыка, доносившаяся из репродуктора, прервалась, и чей-то мужской голос объявил, что всё население лагеря приглашается в столовую на лагерное собрание. В конце этого сообщения голос не то хмыкнул, не то цыкнул зубом, и музыка зазвучала снова.

- Так ты говоришь, Симон не сказал вчера Губи, с ним он или против?

Зеу кивнула, не поворачивая головы.

— Сейчас узнаем. Пошли.

Зеу послушно поднялась и начала одеваться. Бледная, красивая, вная, она страдала так самозабвенно, что временами приводила Нелиду в бешенство. Ну почему она, Нелька, не устраивает истерик и не глядит в потолок, хотя ей не менее больно, оттого что Велеса убьют и что Симон предатель. "Это болезнь, болезнь, — успокаивала она себя, когда бешенство готово было прорваться наружу. — И к тому же она одинока. Кто одиноче (одиночее? одиночнее?) её, тот одинок безмерно". Хотя понять такую болезнь и такое одиночество её мозг отказывался.

В столовой было уже полно народа, и они сели в задние ряды. Собрание началось. Говорил Губи, больше обычного возбужденный, веселый, жестикулирующий с грацией пьяного артиста. "Ша, мужики! Тихо! Дело серьезное". Ухмыляясь и масляно блестя глазом, будто рассказывая анекдот, Губи сообщил, что остров отныне полностью чист от начальников, которые уехали ночью на лодке ввиду того, что у них сломалась Защита и испортился вертолет. Власть на острове отныне принадлежит ему, Губи, о чем он имеет удовольствие всех присутствующих поздравить. "Мой заместитель, друг и правая рука — Симон". Губи указал рукой на Симона, а тот только поднял подбородок и мрачно сверкнул по людским головам холодными глазами. Он был явно не в духе и большей частью молчал, понурясь. "Его приказы имеют такую же законодательную силу, как и мои. Если они не идут вразрез с моими, разумеется..."

Нелида впиалась глазами в склоненную голову Симона, и лицо её приняло выражение одеревневшей, приготовившейся к борьбе кошки. Зеу взглянула на неё и испуганно взяла за руку. Нелька повернулась к ней.

— Твой Симон... — она почти шипела, — сволочь... Ты знаешь, что я с ним сделаю.

— Он не мой, — тихо сказала Зеу и отпустила её руку. — Он твой. Если уж на то пошло...

— Ну, если мой, — Нелька закивала головой, — я пойду и придушу его.

Она вскочила с места, быстрым шагом прошла к эстраде и остановилась перед Синомом. Губи, описывавший условия будущей жизни лагеря, замолчал и стал с интересом смотреть, как Нелида плавно отвела назад руку и с размаха хлестнула Симона по лицу так, что голова его дернулась. "Иразь", — громко и отчетливо произнесла она. Симон на-

чал медленно приподыматься из-за стола. Лицо его застыло и приняло бессмысленное выражение, и только белки глаз выросли до неправдоподобных размеров. "Убьет", — вздрогнула Зеу, и все присутствующие затихли. Нелида попятилась, повернулась и выбежала из столовой. Симон медленно, с подрагивающим лицом, вышел вслед за ней. Губи протяжно присвистнул, сосстрил что-то насчет личных счетов, выясняемых на общественном собрании, и продолжал дальше.

. . . . .

Нелида не стала убегать от Симона. Она отошла от столовой метров на двести, и когда он настиг её, его бешенство улеглось, вернее, вошло в русло.

— Ну? — он подошел вплотную, еще не зная, что с ней сделать. Потом нерешительно взял за горло.

— Губи продался? Прислуживать ему будешь?

Симон сжал ей горло так, что она не могла говорить и закашлялась.

— Запомни, — сказал он, продолжая сдавливать, — Симон никому в жизни не продавался. А что касается Губи, то у него сила. И ни я, ни кто другой против него ничего сделать не сможет. Больше я говорить с тобой на эту тему не намерен.

Он резко убрал руку, и Нелида пошатнулась. Она потрогала рукой горло и сильно спросила:

— А Белес и остальные? Зачем вы врете, будто они уехали? Вы хотите убить их, сволочи...

Симон сузил глаза и раздул ноздри.

— Значит, знаешь. Тебе же хуже. Губи, как только узнает, отправит тебя к ним, а еще вернее — совсем порешит, — Симон жестко смотрел на неё, ухмыляясь со снисходительным презрением. — Я, конечно, тебя не выдам. Но упаси тебя бог проболтаться еще кому-нибудь. Упаси тебя бог.

Нелида вздернула подбородок и всю дерзость сложила в прищуренный взгляд:

— Я расскажу о том, что знаю. Когда придет время. Когда приедут люди из центра. И если до тех пор вы не выпустите их, вам не поздоровится. Ни тебе, ни твоему Губи.

Симон посветлел лицом и глазами.

— А вот это, — сказал он тихо и отчетливо, — ты зря сказала.

Совсем зря.

Тон его голоса и выражение лица были такие, что Нелида отступила на шаг и потрясенно замерла. Ей невыносимо захотелось кинуться Симону на шею, потрясти за плечи, укусить... Что-то сделать, чтобы про-

будить в нем человечность... Господи, что? Еще раз ударить, закричать, прихаться щекой? Ведь она знала его, знала как никто. Его смех, его бред, искренность, сила и слабость были её. Она знала его всего, как брата, как домашнюю собаку, как свою же, не слишком удавшуюся повесть.

Симон повернулся и пошел прочь, и нельзя было бежать за ним, кричать — он бы её не услышал.

Зеу вышла из столовой сразу же вслед за ними, и теперь наблюдала издали, не зная, подходить или нет. Нелида овладела собой и сама пошла ей навстречу, но не доходя трех метров, вдруг почувствовала, как ненависть к Симону переклестнулась на Зеу, которая в сознании Нелиды не жила уже сама по себе, вне Симона., вне её любви к нему. Она резко повернулась и, обойдя Зеу, быстрыми шагами скрылась из её глаз.

. . . . .

"Ты не любишь меня, Бог? — Нелида медленно брела по берегу и по привычке говорить разговаривала сама с собой. — А, может, любишь, но просто испытываешь. Играешь, как кошка с мышью, но в итоге не съешь её, а отпустишь, наградив за терпение и смелость? И ведь не подскажешь, небось, что делать, к кому идти сейчас?.. Сама выбирайся, выпутывайся, Нелечка, сама..."

Нелида решила вынять угрозе Симона и спрятаться до приезда людей из центра где-нибудь в лесу, или, по крайней мере, не маячить на глазах у Губи. Но для этого нужно было найти друга. Человека, которому можно открыться, довериться, положиться во всем и принимать его преданность, отвагу и заботу о себе как должное.

"Друга..." Нелида горестно улыбнулась. В друзьях у неё ходило пол-лагеря. Друзья-приятели-любовники... Она не ржадила обычно эти понятия. Если ты делаешь человеку что-то такое, отчего ему становится веселее и лучше, то какое имеет значение, что именно ты ты делаешь? А грязи нет на свете, её не существует. Вернее, грязь только там, где — унижение и зависимость. А в остальном её нет. И можно отдаться человеку просто потому, что он просит, и гораздо грязнее отказать ему в этом *без веских причин*.

Друзей у неё, таким образом, пол-лагеря, а идти не к кому. Будь это раньше, Нелида первым делом пошла бы к Будру. Потом — к Симону. Потом — к Велесу. Будр бы помог. Он спрятал бы её в самой глухой глуши и носил туда пиду. И занимал медленными, блаженными разговорами. С ним так легко, так надежно-спокойно-тепло было всегда... Было.

Симон бы помог. Он бы стал жмурить зеленые, наглые глаза, покровительственно обнимать и говорить, что всё обойдется. И всё действительно бы обошлось, потому что авторитета, влияния и уважения в лагере Симону не занимать. Он — сильный мира сего. Сильная, родная мразь. Друг и приспешник садиста. Сытое, обаятельное мясо... Господи.

Велес бы помог. Желтый, как янтарь, неуловимый Велес. Он сделал бы что-нибудь неожиданное и непонятное, и вытащил её из напастей, как из болота. Он бы её спас, Велес, во что бы то ни стало. А вот она — не может его спасти. Слабая, жалкая и трусливая идиотка...

Нелида решила довериться Танауги. Ей казалось, что все остальные преданы либо Симону, либо Губи, а он один нейтрален и безмятежен, словно скала посреди ревущего океана. То, что он равнодушен неммыслимо, — пусть. Зато он не боится никого и не лебезит ни перед кем. Скала в океане.

. . . . .

— Обязательно, — сказал Танауги, — обязательно, девочка.

Он сидел босиком на пороге своей палатки и шевелил пальцами ног.

— Хотя Симона ты побил зря. Он — правая рука Губи, а ты была его любимой любовницей. Место первой дамы королевства ты, не думая, отдала за секундное удовольствие треснуть человека по морде, — Танауги подмигнул ей ободряюще и улыбнулся.

— Симона мало было ударить, — Нелька посмотрела на него с горьким недоумением. — Его нужно было убить! Он же прислужник садиста, господи...

— Насчет садиста он припугнул, скорее всего. А если не припугнул, — тем более разумно не портить отношения с Симоном.

Танауги махнул рукой на её негодующе-усталый взгляд и поднялся.

— Схому, разузнаю, какие там планы у новоиспеченного начальства насчет тебя. Если что-нибудь нехорошее, мы с тобой подумаем, куда тебя спрятать. Идет?

Нелька кивнула.

. . . . .

— Откуда ты, солнце моё? — спросил Велес, протягивая из темноты руки и усаживая Нельку рядом с собой, на грубые нары из неоструганных досок.

Сырая, коричневая тьма, оранжевый клубочек света на столе от коптилки, стены, глухие и мохнатые от корней деревьев и травы. Комочки влажной земли попадают за воротник, обсыплют волосы. Землянка...

- Танауги предал меня, - объяснила Нелька.

Она зажмурилась, чтобы не заплакать, и прерывисто вздохнула. Хорошо, что темно и никто не видит, как судорога сдерживаемых рыданий кривит её лицо. До чего больно, резко и неожиданно, когда тебя предадут... Самое-самое-самое мерзкое и тяжелое в мире.

- Что же ты, девочка, - говорит Арша. - Нашла к кому обратиться. Танауги ни на секунду не задумается, выбирая между тобой и своим абсолютным покоем.

- Откуда только ты всё и всех знаешь? - скрипуче подает голос Лиаверис.

Она сидит за столом, слегка раскачиваясь и подперев голову руками. Прозрачные глаза воспалены и бессмысленны, немые волосы раскиданы по плечам. Гатынь молчит. Малыса не видно. Из темноты, из дальнего угла доносится слабый шорох и звук прерывистого дыхания.

- Мы роем подземный ход, - объясняет ей Велес шепотом, склонившись к уху, - сменяемся каждые полчаса, только тихо-тихо, чтобы не услышали наверху. Это единственное стоящее и захватывающее занятие в нашем подземелье. Особенно хорошо помогает, когда становится невыгоду от темноты и тоски...

"Господи, Велес, как хорошо, что я с ним..." Нелька прижимается к его плечу, закрывает глаза (все равно темно!) и рассказывает все свои злоключения, расслабившись, жалобно и беззащитно, и слезы впитываются его одеждой.

Велес гладит её по голове, выбирает комочек земли из волос, осторожно дует на щеки, осушая полоски слез.

- Нелечка, - едва слышно говорит он, когда он замолкает, - это правда, что ты здесь безвинно?

- Правда.

- Я давно хотел спросить, но всё боялся...

- Чего ты боялся?

- Боялся узнать наверняка, что это правда. Слишком страшно...

А отчего, Нелечка?

- Не скажу, - Нелька чуть отодвигается и тихо смеется. - Всё что хочешь могу рассказать, а это - нет. Думай что хочешь...

- Ну и пусть. Не говори, - разрешает Велес. - Я просто заберу тебя отсюда. Тебя и Гатыню. И добьюсь того, что твое дело пересмотрят и тебя оправдают. И найдут настоящего убийцу...

Нелька сжалась и вздрогнула под его рукой. Она молчит, и Велес от ужаса, что сказал что-то не то, что-то страшное для неё, прикусил язык. Он вздохнул и заговорил снова:

- Бог с ним, с этим судом. Всё это суэта... Я просто сохраняю вас обоих, тебя и Гатыня, и никому не отдам. Слышишь? Не отдам и всё. Спрячу.

Нелька снова придвинулась к нему и уткнулась лицом в плечо.

- Жестко, - пожаловалась она. - Не можешь плечи приличные себе отъесть или мышцами накачать хотя бы...

Велес продолжал шептать, рисовать идиллические картины свободного будущего, такие светло-голубовато-серебристые... Её греют эти тихие слова, как мурлыканье кошки. Как лепет доброго, невеселого бога...

Когда он доходит до семьи и детей, Нелька вздыхает.

- Ну, будет, - говорит она. - Это уж слишком.

Она кладет палец ему на губы, чтобы он замолчал, а чтобы не обиделся, целует в теплую щетинистую щеку.

Велес вспоминает, что женщины перед отправкой в лагерь стерилизуют, чтобы они не производили на свет себе подобных. Он тихо стонет сквозь зубы и отворачивается.

- Ну конечно, - ворчит Нелька, - ну конечно, он морду будет отворачивать или вообще сейчас отодвинется. А мне тогда что?.. А мне тогда что останется, если ты, Велес, морду отвернешь, если плеча твоего, костлявого, здесь не будет?..

Она повышает голос, забыв, что кроме них с Велесом, здесь еще четверо. Лиаверис издает короткий смешок. "Прости, Нелечка, - хочет она сказать, иронично поигрывая глазами, - мы бы и рады выйти отсюда, чтобы вам не мешать, да вот дядя у выхода не пускает". Лиаверис приоткрывает рот, но Арша сидит напротив, совсем рядом, и смотрит в упор.

Глава 14

А Р Ш А

Их не кормили третьи сутки. Для того, чтобы ослабить физически, а может - ради эксперимента. Арша проводила в молодости на себе подобные опыты - не ела по нескольку суток, и её всегда разочаровывало, что никаких острых мук голода при этом не возникало, только

апатия и слабость. Вот и сейчас — ничего не мучает и не болит, но вставать каждый раз, когда подходит твоя очередь рыть подземный ход, все трудней и бессмысленней.

Рытье и впрямь бессмысленное занятие. Губи знает про ход, об этом совершенно определенно сообщил Арше охранник — Иштас. Иштас рассказал Арше, Арша — Велесу. Велес не сказал никому. Он продолжает методично гонять людей на рытье хода, люди ропщут, но подчиняются. Они ругаются с Велесом, говорят, что ничего путного из этого не выйдет, но отними у них этот ход... Он большая умница, Велес. Дай, боже, ему сил подольше.

А, может быть, никакого эксперимента нет. И это просто такая казнь — голодом. Он очень игривый и разносторонне развитый молодой человек, этот Губи. Посмотреть, как изменит голод поведение шестерых людей, запертых в одной норе, — что может быть странного в таком любопытстве?

Арша на редкость болтлива и красноречива ныне. Надо говорить, разговаривать как можно больше, чтобы у людей не было времени догадаться, что это скорее всего не эксперимент, а казнь... Впрочем, кажется, все и так уже догадались. Неудтно как, господи, в окружении слишком умных людей...

Все равно надо разговаривать, чтобы никто не оставался сам с собой, один. Разговор с собой редко кому в таких ситуациях приносит радость.

. . . . .

Первое время Арша пыталась заводить общие разговоры, подкидывала тему, разжигала почву для споров. Но отзывался всегда только Малюс, изредка — Нелька с Велесом. Гатынь молчал. Лиаверис бросала реплики, полные неизрасходованной злости и нелепого яда. Женская вражда, господи, в этих четырех земляных стенах она втройне смешна и пронзительно неуместна.

Потом Арша научилась разговаривать с каждым в отдельности. Это так просто и всегда есть о чем.

С Нелькой можно о творчестве. С Малюсом о любви. С Гатынем сложнее — тут надо о смерти. С Лиаверис легкая перебранка, быстро надоедающая до оскомины. С Велесом можно вообще не говорить. Можно сказки ему рассказывать. Можно просто слушать, как он с Нелькой переговаривается... Костер мой, негасимый.

. . . . .

Временами Арша вылезала на несколько минут наверх, подышать воздухом. На эти несколько минут воздуха и света у нее было официальное разрешение Губи. В первый день, устав от тьмы и низкого, замкнутого пространства, Арша, самовольно, подтянувшись на руках, высунулась из земляного отверстия и долго, глубоко дыша, смотрела на закатные краски над лесом и узкую полосу моря. Губи, тихо переговаривавшийся с охранником, покосился на её светлую, запорошенную землей голову, но ничего не сказал. Арша старалась не смотреть на него, ибо её голова приходилась на уровне его ботинок, отвернув подбородок, положив его на ладони, она смотрела мимо...

После этого другие тоже стали вылезать иногда на воздух. Но реже. Только когда дежурил Иштас. Когда дежурил Иштас, можно было позволить себе многое. Даже выкарабкаться из земли и чуть-чуть побродить около... Усевшись, скорчившись в три погибели под деревом, он бесстрастно наблюдал за ними и редко когда произносил слово. Еще реже это слышно было слово запрета.

Арша пыталась разговориться с ним. Станный, непостижимо отвратительный и притягательный человек. Отчего он — охранник? Существо, делающее и говорящее только то, что хочет, — неужели он захотел подчиниться Губи? Невероятно. А как боится его Велес. Никогда не выйдет наружу один, всегда с кем-то, и старается не смотреть в его сторону... Боится, или?..

Иштас редко отвечал на её вопросы. Чаще пропускал их мимо ушей, иногда улыбался, тихо насвистывал сквозь зубы, смотрел на мелькающие между листвой облака. Несмотря на столь мизерное общение, Арша поймала себя на том, что в его дежурство почти все время проводит снаружи. Он протягивал ей папиросу, они закуривали, молчали... Со временем Арша научилась понимать это молчание. Она начала чувствовать, на какой вопрос и когда Иштас ответит ей, на какой промолчит. Молчать и курить стало совсем легко. Взаимопонимание какое-то, что ли... Или чер-те что...

. . . . .

— Иштас! Отпусти одного человечка.

Совсем неожиданно ей пришло это в голову, и она лягнула не задумавшись. Светлый день какой-то сегодня. Слабость от голода ощущается все явственней...

— Гатыня?

— Ага. Как ты догадался?

Иштас промолчал.

- Единишь ли, - продолжала Арша, - этот человек боится смерти. Он очень не хочет её. Но мало того: я тоже не хочу, чтобы его не стало. Это редкий человек, понимаешь? Редкое и хрупкое сокровище...

- Не любит смерти?

- Не любит. Пытается полюбить, но ничего не выходит. Я ему объясняю, рассказываю о ней, но... Красноречия, очевидно, не хватает.

Иштас задумался, опустив глаза. Длинные, редкие, косы растущие ресницы царапают скулы. Желтый блеск просачивается сквозь них. О чем он думает? Прикидывает, хочется ли ему, чтобы Гатынь гулял на свободе? Часто так трудно бывает понять, чего именно хочется... Как он выпутывается в таких случаях?

- Выпущу, - Иштас подымает глаза, - иди зови. Сейчас мы придумаем с ним маленькую инсценировку побега. Только... - он медлит, - только предупреди его, пожалуйста, Арша, чтобы он был осторожен. Губи неравнодушен к нему. Не знаю, как остальные, им он вряд ли сделает что плохое... но Гатыню...

- Господи! - Арша рывком вскакивает, - так надо скорее!

Она наклоняется над входом и требует, чтобы Гатынь скорей подымался наверх. Гатынь вылезает с растерянной неуклюжестью и обводит их вопрошающим взглядом. Он очень бледен, зеленоватые тени под глазами, мягкие, грязные, земляные волосы. До чего слаб...

- Ты свободен, Гатынь, - говорит Иштас. - Сейчас Арша собьет меня сзади с ног и сдавит горло, а ты в это время беги. Или иди, если бежать не можешь. Только прячься получше...

Гатынь несколько секунд оссознает сказанное. Потом лицо его остро передергивается, глаза вспыхивают. Он делает шаг вперед.

- А... Велес? - он останавливается в нерешительности. - Как же Велес?

- Велес знает, - Арша берет его за рукав и слегка подталкивает. - Иди, иди. С Велесом вы встретитесь, даст бог, на свободе. Скорее же, Гатынь...

.....

- За кого, Арша, ты еще будешь просить? - спрашивает Иштас. - Давай сразу.

Арша улыбается.

- Попросила бы еще за одного, да он не уйдет.

- Он не уйдет, верно, - кивает Иштас.

- А за Гатыня - огромное спасибо. - Она протягивает ему руку для пожатия.

- Это лишнее, - он кивает в сторону руки, и она убирает её. - Не проси больше, Арша, ладно?

Она кивает.

- Я выпущу всех, если ты попросишь. Но ведь это остров, Арша. Маленький, мерзкий остров. Вдоль и поперек искоженный. Понимаешь?..

Арша кивает несколько раз подряд и подходит к дыре, чтобы спуститься вниз.

. . . . .

- Спасибо тебе огромное за Гатиня.

Велес, чудак такой, благодарит её. Чуть не плачет.

- Что же ты, чудак, благодарить? Я ж для себя. Своя корысть, - с удовлетворенной улыбкой Арша опускается на нары. - А вообще, Иштас - свой человек. Он отпустит любого. Только стоит ли уходить? Вокруг остров.

- Тебе, Арша, надо работать укротителем в цирке, - подает голос Лиаверис. - Иштас - свой человек! Феноменально!

- Только, пожалуйста, - говорит Велес, - давайте держаться так, будто Гатиня все еще здесь. Чтобы его отсутствие заметили как можно позже...

- Вот ты и занятие нам нашел, Велес, - говорит Лиаверис. - Спасибо.

Черт бы побрал эту вздорную, мелкую, злобную, глупую, глупую бабу...

А Малыс опять роет ход. Чаще всех он его роет, неутомимый и целеустремленный...

Гатиня на воле. Это здорово. Пусть там нелегко, жизнь заячья, все время пригибаться и прятаться... Но страх смерти отпустит свои тиски, надежда придаст сил, и глаза его засветятся... Это здорово. Он будет дышать, Гатиня. Он не будет больше замкнут в своей безысходной, эгоцентричной тьме.

Он столкнется там с Лешеном. Лешен, бедняга, затравленный зверек. Олененок. Одичавший, бесприютный, он слоняется по лесу и иногда, тоже в дежурство Иштаса, приходит к землянке перебраться парой слов с родными. В прошлый раз, в минуту слабости, он просился ко всем... В терьму, во мрак, но со всеми. Его не пустили и дали задание быть мужчиной. Быть мужчиной, хорошо прятаться, попытаться раздобыть какую-нибудь еду... С какой тоской в глазах он выглядывает из-за кустов, когда появляется. Но он свободен, малыш. Губи на него пока не охотится.

Вот его мать вполне может спятить. Сырость в подземелье действует на её психику не очень благотворно, и без того развинченную. Возможно, скоро будет истерика и битье головы р стену. Усыпить бы её летаргическим сном, чтобы не мешала, не надрывала себя и остальных...

Малос молодчина. Роет и роет. Есть цель и жить ему просто. Любит жену и сына, роет выход наружу, верит в торжество идеалов... Впрочем, старая я стерва, он ведь больше всех мучается. И не за себя, как Гатынь. Не за себя...

Нелида здесь совсем притихла. Велесу и то с трудом удается её разговорить. Предательство Танауги её так сломило? (Идти к Танауги! - Идиотизм полнейший). Может быть, в первый раз её предадут?.. Не похоже. Просто здесь мрак и сыро.

Велес, господи, - двужильный. Стожильный. Живучий он, как сто тысяч чертей и тысяча кошек...

. . . . .

Все-таки она не успела завершить, додумать своё самое главное. Совсем немного времени не хватало. Она бы успела сто раз, если бы упорно и постоянно долбила бы в одну точку, если бы не отвлекалась то и дело на треп, на жизнь...

Рассудок, братишка, обаятельный и хромой шалунишка. Сильно он у нее хромает. Он помогает здорово, вытягивает и спасает в самые крутые моменты жизни - и спасибо ему великое за это - но... хромает. Не может собрать воедино волю, заставить всю свою разболтанную, разношерстную, разноголосую и вадорную психику ему подчиниться. Не царь он у нее, нет. А так - пронырливый, смысленный авантюрист-мошенник...

Если бы он был царь... Тогда она бы успела додумать, понять до конца. Тогда она рассказала бы Гатыню о смерти определенно и точно, а не туманно-восторженно-прочувствованными фразами, которые, конечно, ему мало помогли и утешили. И не только Гатыню, она рассказала бы о смерти им всем, запертым здесь, обреченным - это так нужно сейчас... Это самое-самое сейчас нужное.

Если бы он был царь... Тогда они вообще не были бы заперты здесь. Тогда она разобралась бы, поняла Губи, приняла его в себя, мягко, всеобъемлюще, и... и они не сидели бы здесь.

Господи... Сплошной цейтнот. Времени мало, голова кружится от голода, и не успеть ей, ни за что не успеть...

Зеу знала, что ей осталось сделать. Что ей осталось сделать последнего в этой злой, непутевой и паршивой жизни.

Вчера вечером после свидания с Симоном она долго плакала. Ревела, дека на спине и глядя в небо. Слезы выбегали из глаз, текли по вискам и струились в уши. Когда оба уха заохолодели, она успокоилась.

Это будет самое последнее и очень красивое дело. Её грела и радовала мысль, что нудная и мерзкая жизнь её кончится яркой, ослепительной вспышкой. Она задумчиво вертела в руках столовый нож и теребила пальцем лезвие, пытаясь определить, острый он или нет. По какому критерию вообще определяют, что нож острый? Зеу резанула, чуть надавив, по своей же руке, повыше кисти. Ровная розовая царапина налилась краснотой и засочилась каплями крови. Острый.

Если бы не нож, а пистолет... Вороненая, родимая, всемогущая сталь. Зеу вообще очень любила оружие, а пистолет был её давней, заветной, несуществимой мечтой. Она часто думала, что подари ей кто-нибудь эту игрушку, она скорее всего не выстрелила бы ни разу, а положила под подушку, изредка вынимала, гладила, целовала. Пистолет стал бы для неё талисманом. И даже для того, чтобы убить себя, она бы им не воспользовалась. Она вообще тогда не стала бы убивать себя. Мысль о том, что она легко и безболезненно может сделать это в любой момент, грела бы её и удерживала, как поплавок, на воде жизни.

Зеу вздохнула о своем несбывшемся пистолете, засунула нож за отворот куртки и вышла на улицу. На свое последнее красивое дело. Ей предстояло убить сегодня двух человек. Она раздумывала некоторое время, с кого начать, потом решила, что подскажет случай.

У палатки, где жил Симон и Губи и которую теперь называли штабом, стоял часовой. "Мне - Симона", - потребовала Зеу. Часовой вышел и, вернувшись, сообщил, что Симон там, но принимает по особо важным делам. "У меня - важное". Зеу отстранила его и вошла вовнутрь. Несколько парней оживленно играли в карты.

- Симон! - закричала она с порога. - У меня новость!

- Да ну? - Симон оторвался от карт и ласково ей улыбнулся. -

Говори, если важная.

- Симон, - она подошла вплотную, ёжась от пьяноватых, иронических взглядов, - удели мне двадцать минут. Это действительно важно...

Симон с неохотой встал и вышел вслед за ней на улицу.

- Знаешь что? - обернулась она к нему, - зайдём к нам в палатку? Там сейчас никого нет.

- Зайдём, согласился Симон. - Только ты скорее со своим делом. Ребята ждут доигрывать...

В палатке было темно, и Зеу, чуть только зашла, не зажигая света, кинулась ему на шею и стала целовать куда-то возле уха, в усы, в переносицу...

- Это и есть твоё важное дело? - Симон обнял её и заструил скользкими, раздевающими движениями по спине и плечам. - Совсем неплохое, надо сказать... совсем ничего...

Зеу на минуту задержалась в его родных, так по-хозяйски обнимающих её руках... Затем резко вырвалась и наугад выбросила руку с ножом туда, где должно было быть его горло. Сильный удар отбросил её назад. Вспыхнул свет.

Симон, матерясь, одной рукой держался за выключатель, другой водил по горлу. Рваная царапина кровоточила, заливая шею и воротник. Продолжая густо материться, он сорвал полотенце с одной из кроватей и обмотал шею. Так туго, что закашлялся.

- Твоё счастье, - прохрипел он, - что не задела сонную артерию.

- Твоё счастье, - негромко поправила она, - твоё, а не моё.

В руке она продолжала сжимать столовый нож. Симон покосился на неё, с трудом ворочая перевязанной шеей.

- Верно, моё, - согласился он, подумав. - Брось нож.

Зеу покачала головой.

- Ещё раз меня убить попытаешься?

- Попытаюсь. Тебя и Губи.

- А-а... - Симон закивал головой, - оно конечно. Попробуй.

Внезапная мысль, что проскользнул нож пару сантиметров левее, и он валялся бы сейчас трупом у ног этой истерички, цеплявшейся за него и нывшей о своей любви, - мысль эта плеснула в него с такой яростью, что он дернулся и зэскрежетал зубами.

- Ах, ты... - он грязно и смачно выругался. Потом подошел и резко вывернул ей руку, так, что нож выпал и Зеу слабо вскрикнула. Наслаждаясь её болью, он продолжал выкручивать руку, почти что до предельного хруста, потом разом выпустил.

- Может, скажешь, за что?

Он поднял с пола нож и поигрывал им.

- Я люблю тебя.

- Это я уже слышал, - злобно огрызнулся он, а дальше?

- Я люблю тебя, - повторила она.

Ей казалось, что в этих словах — объяснение всего, и незачем её спрашивать больше. Симон прицелился и метнул нож. Он просвистел мимо её уха и врезался в стену, гудя и вибрируя.

— Я это уже слышал, — медленно и отдельно повторил он, — и это единственный повод?

— Ты сволоочь.

Симон дернулся, но сдержался. Зеу не смотрела на него. Она опустила на пол и медленно водила пальцами по ножке стула.

— Ты сволоочь, — объяснила она, — а я не хочу любить ^{и зависеть от} сволоочи. Ты стал слугой Губи и, значит, таким же, как он, отродьем и садистом, а я не хочу этого. Я все равно убью вас обоих, тебя и его. Убью.

Симон тоскливо заскрежетал зубами. Слишком часто его за последние два дня обзывают подлецом и сволоочью. А знают ли они, что ему стоило подчиниться Губи, заглушить, закопать в себе протест, и бунт, и отвращение?!..

— Замолчи!!! — он в бешенстве схватил стул и грохнул его об пол так, что ножки с треском разошлись от сидения.

— Об чем шум? — нагибая голову, чтобы не задеть дверь, в палатку вошел Губи.

Став властелином лагеря, он не утерял мобильности и любопытства. С холодным вежливым блеском в глазу отметил повязку с проступившей кровью на шее Симона и нож в его руке. Симон повернул к нему белое, бешеное лицо.

— А какого черта... — с хрипом kloкочущей ярости сказал он, — какого черта ты шляешься здесь... и суешься не в свои дела?..

Губи закаменел лицом и напрягся. Симон чувствовал, как его захватило и понесло. Отступать было некуда. Его несло потоком отчаянного, очистительного бешенства.

— Этот нож, — он сжал его и провел перед треугольным, кошачьим лицом Губи, — предназначался для двух подлецов. Меня и тебя. Она, — он кивнул в сторону неподвижной Зеу, — пришла, чтобы убить нас. Так вот, — он перевел дыхание и широко улыбнулся, — у неё немного не получилось, и тебя убью я. Потому что больше никому.

Симон стоял, нагнув голову, глядя в упор, и нож бегал меж его пальцев. Губи, прищурившись и усмехаясь, прикидывал, пришло ли время выхватить из-за голенища свой, узкий и отточенный, или еще нет. Симон дернулся вперед, и Губи выхватил нож, одновременно с этим отпрыгивая к стенке. Краем глаза он поймал в поле зрения Зеу, чтобы та не помешала в нужный момент. Нож блестел в узкой, смуглой руке пронзительно и жестко.

— Я лучше тебя владею ножом, мальчик. Ты ведь знаешь.

Симон опять дернулся и получил быстрый, режущий удар по пальцам. Рука залилась кровью. Губи тихо смеялся.

"Симон должен жить. Он красивый, сильный, сытый, обаятельный мальчик. Слуга — не слуга, друг — не друг, но с ним веселее".

— Послушай, Сим, — он опустил нож и картинно расслабил мускулы, — ты же знаешь, стоит мне свистнуть, и тебя не станет. Ты превратишься в грудку холодного мяса, и ни одна женщина, кроме разве что извращенки, не захочет с тобой спать. Так во имя чего? Чтобы получить одобрение этой сумасшедшей? Так ведь и её скоро не станет. Я буду оставлять только веселых и довольных (и учти: мною довольных) людей.

Губи засунул нож на место и шагнул к выходу.

— Ты всегда говорил, Сим, что любишь жизнь и никогда не покончишь с ней сам. Сегодня ты явно противоречил своим словам.

Он вышел.

Симон любил жизнь, Губи знал, как он её любил. Она была мерзкой и отвратительной, она была тягучей и пресной, но он прощал ей это — за перепадавшие временами брызги наслаждения, самозабвения и буйства. Так, наверное, он терпел бы дома сварливую и злую женщину, если бы она была божественна и вдохновенна в постели.

Симон повернул голову к Зеу. Она по-прежнему сидела, скорчившись, у стены и смотрела на него в упор. Он споткнулся о её взгляд и опустил глаза. Потом снова с усилием поднял. Зеу смотрела на него. Черные, влажные, бьющие, немигающие глаза...

Симон подошел к ней, тяжело покачиваясь на усталых, как после длительной драки, ногах, и коротко, сам не зная, зачем, ударил в лицо. Потом понял: ему хотелось, чтобы она перестала так смотреть. Выключить этот взгляд. Зеу стукнулась затылком о стену, но не отвела взгляда. Симон ударил снова.

Он бил и бил, и тоскливая, вялая мысль шевелилась в нем, что она знает — стоит только ей закрыть глаза или отвернуться, и он перестанет бить. Но она смотрела.

Он очень устал и бил все яростней, все свирепей, до одуряющей боли в разбитых костяшках пальцев. Он видел, как лицо её исчезает, превращается в бесформенное и красное... вокруг двух черных, неотрывных, не отпускающих его глаз.

Хуже зубной боли на свете только одно — скука. Изодрываясь в способах её уничтожения, человечество движется...

Вторые сутки, после драки с Симоном, ничего не происходит. Спокойствие и размеренность, которые необходимо взорвать как можно скорее. И чем угодно. Чем бы?

Раздумывая над этим, Губи брел по лесу. Неслышными шагами он подошел к землянке и остановился, наблюдая из-за кустов. Опять дежурит Иштас. Зачастил он что-то на эту укромную полянку. Или привязался к кому?.. Рядом дышит свежим воздухом Нелька.

Нелька, так Нелька. Видит бог, он не выбирал, она сама выползла на воздух, ему на глаза, на погибель свою.

— Здравствуйте, здрав-австуйте! — приветливо произнес он, появляясь из-за кустов.

Иштас не повел и бровью, а Нелька нахмурилась и привстала, готовая соскочить во тьму.

— Иштас, ты свободен. А ты, Неля, задержись маленько. Побеседую с тобой...

Пожав плечами, Иштас молчаливо удалился. Нелька настороженно повернула голову. Страх и ненависть в воспаленных, запорошенных землей глазах. Силится вложить во взгляд всю ненависть, скопившуюся за годы жизни в этой узкой грудной клетке...

— Видишь ли, Неля, — устроившись в траве поудобнее, расслабившись, Губи повел игру, — по полученным мною сведениям, в этой землянке вырыт подземный ход наружу. Верно?

Нелька усмехнулась и не ответила.

— Верно, — сам себе ответил Губи, — впрочем, я знаю это не наверняка... Я мог бы слазить туда и проверить, либо приказать это сделать кому-нибудь, но я решил избрать другой метод. Я спрошу об этом тебя, — он поднял к ней ласковое, приветливое лицо и улыбнулся.

Нелька презрительно скривила губы.

— Если ход есть, мне придется наказать за него. Не скажу, что всех, но одного-двух — обязательно. Нельзя же оставлять такое без последствий, верно? — он говорил доверительным тоном, заглядывая ей в глаза, то и дело спрашивая, согласна ли она с ним... — Кара будет высшая... А как же иначе приучать к дисциплине? Иначе нельзя, Неля... Так вот. Я спрошу у тебя. Если соврешь — понесешь наказание за

свою ложь, и заодно за вырытый ход. Если скажешь правду — буду искать виновных среди тех, кто внизу, а тебя оставлю в покое. На веки вечные. Идет?

Игра начинала вовлекать его. Мысленно он просил её не испортить игры, продлить это захватывающее ощущение как можно дольше.

Нелька молчала. Её лицо потемнело. Она ухватила за свое молчание как за что-то спасительное, готовая прокусить себе язык, но не сказать ни слова.

Губи выждал с полминуты.

— Истати, насчет молчания. Молчание — как водится издавна — знак согласия. Помолчи еще две минуты, и я буду считать, что подземный ход есть. И отпущу тебя с богом...

Губи грациозно откинулся к стволу дерева. Он разглядывал её прищурясь, ласково и внимательно. Весь его вид говорил о том, что он высказал всё, что хотел. И теперь слово за ней.

Нелька молчала, глядя в землю, сжав зубы. Голова плохо её слушалась. Две минуты, две минуты...

— Две минуты прошли, — Губи приподнялся как будто даже слегка удивленно и разочарованно.

— Нет!!! — крикнула Нелька.

— Что значит "нет"? Я говорю, прошли...

— Нет хода, — Нелька подняла голову и поглядела ему в лицо дерзко и бешено, — нет его, слышишь?! Своловь паршивая, садист проклятый — нет!

Ну нет, так нет. Что ты так волнуешься...

Губи поднялся на ноги и коротко свистнул. Из кустов выступил один из телохранителей, всегда сопровождавших его на отдалении.

— Будь добр, слезай в эту нору и проверь, правду ли говорит эта девчонка, что там нет подземного хода.

Парень кивнул головой и стал спускаться.

Нелька смотрела перед собой широко открытыми, застывшими глазами. Ей подумалось, что даже если по ним будет ползти бабочка, щекоца и цепляя их лапками, она все равно не сможет их закрыть. "Закреть глаза, — думала она как о чем-то спасительном, — если б только закрыть глаза..."

Нелька вздрогнула: чужая, гибкая рука провела по её волосам. Совсем рядом было лицо Губи. В его единственном сером, живом глазу отражался лес и нелькины некрасивые черты. Черный зрачок с отходящими от него желтыми лучиками напоминал солнечное затмение. Как пристально и серьезно он смотрит... "Значит, хода нет?.." — тихо прошептал он ей.

Страх, от которого невозможно дышать. От которого мир расплзается по кускам, расплывается... И ты тоже...

Лохматая голова парня показалась над входом. Губи повернулся в его сторону.

- Есть, - сказала Нелька.

Губи коротко взглянул на неё и отвернулся.

- Есть ход, - повторила она.

Губи кивнул. Вот и всё. Как всегда, сударь, вы выиграли и вы проиграли. Усталость, опустошение - обычный набор. Пар-ши-во...

. . . . .

Вечером ему сообщили, что в лесу пойман Гатынь. Он ослаб от голода и не смог убежать, но сопротивлялся так сильно, что его связали. Крепко связали.

Нравящиеся Губи, его усиленное пристрастие к этому щедрому человечку, тихому и хилому художнику, было общеизвестно. Оно не обсуждалось и принималось как должное. Хотя, наверное, было любопытно: за что? Почему именно Гатынь? Наверное, это сродни тайному, тихому человеческому желанию сжигать и рвать шедевры, разбивать вдребезги всё хрупкое и уникальное... Будь Гатынь не так бледен и хрупок, не будь у него такого мягкого лица, глубоких, вбирающих глаз... И такого глубокого и сложного душевного мира...

К тому же он слишком боится смерти. А кормить насильно человека тем, что он не любит, - забавное занятие.

Губи распорядился, чтобы Гатыня отвели в уединенную избушку, стоящую на отшибе. Чтобы туда принесли всё необходимое и вызвали Танауги.

- Будешь моим ассистентом, - сообщил он, когда тот пришел.

Танауги молча кивнул в знак согласия. Он не шевельнул ни единым лицевым мускулом, но Губи, отвернувшись, подавил в себе приступ звонкого хохота. Не выйдет у тебя, Танауги, пока, не надейся. И твой донос на Нельку, принесенный в зубах, словно собаке кость, словно взятка - им не откупиться. Покоя не будет.

- Впрочем, нет, - сказал он, - не ассистентом. Учеником. Я буду стоять рядом и говорить, что и как делать. Сам не притронусь. Научись, пока я жив...

И не откажешься, Танауги, нет. Нельзя отказаться. Прошло то время, когда можно было мне отказать. Теперь - никто и ни в чем... (П о ч т и никто, к счастью. Почти...)

. . . . .

"Смерть, — говорила Арша, — в юности я разговаривала с ней каждый день... Звала её, а когда приходила — отталкивала, пугалась. Говорила с ней каждый день и привыкла... Приучила её к себе, как пугливого зверя... Или себя к ней?.. Она чудная, смерть, мы разговаривали, и я узнавала её все больше... Жаль, что это нельзя передать другому, тебе. Каждый узнает свою смерть сам, как невесту..."

"Смерть... — бормотала Арша — ..."

Слова её вспоминались, вспыхивали у Гатыня в мозгу светлыми, звуковыми искрами. Он начинал звать смерть, когда чуть-чуть прояснялось в голове. Когда приступы боли, разнообразной, всеохватывающей и яркой, слегка стихали. (Ничего не осталось в мире больше, кроме боли. И бормотания Арши). Тогда, полуоглохший от собственного крика, он начинал видеть.

Он видел Губи, поджарого, возбужденного, похожего на пламя свечки на переменном ветру. Видел глаза Танауги, близкие, маленькие, полные пробуждающегося безумия... блеск щипчиков, ножииков в его неповоротливых пальцах...

Он начинал слышать, но слов не понимал почти.

Иногда ему вдруг становилось жалко свое тело, прямо до слез жалко иссеченную, прежде такую гладкую и живую, теплую кожу... С отчаянием, смешанным с удивлением, он следил, во что превращаются его руки, плечи, живот... Забыв, что жалость эта нелепа — оно отслужило ему, его тело, оно не пригодится больше...

. . . . .

Танауги вышел на улицу. Отойдя шагов на пятнадцать, он сел, прислонясь к дереву, не в силах идти дальше.

Час назад он стоял рядом с Губи напротив Гатыня, еще целого Гатыня, и думал, как хорошо было бы закрыть глаза, отключив сознание, чтобы только тело его послушно выполняло распоряжения Губи, а сознания не было... Чтобы сознание, и глаза, и память вернулись после, потом...

Как артистично и небрежно, словно бы между делом, взорвал Губи вдребезги его многолетний, продуманный, несокрушимый замок.

Даже в самом раннем детстве он так не кричал...

. . . . .

Губи медленно, пскачиваясь на носках, вышел из дома. Добрел до воды, протер сухо горячие, острые скулы... "Словно сдирав присохшую маску", — подумалось ему.

В сущности, она славно приросла, эта маска. Главаря банды.

Убийцы. Садиста. Диктатора. Приросла славно, только коробит лицо, стягивает. Они все малы ему, бесчисленные, всевозможные маски. Все.

Устал играть роли, имитировать, не-и-мо-вер-но. Но иначе нельзя. Только на этих ролях, только на самом верку, можно играть в свои любимые игрушки.

Всё в ажуре. Но играм его приходит конец.

Играм его приходит конец, потому что все игрушки сломаны. Осталось три несломанных. Но один умер, ушел. Другой — не сломается. Никогда.

Третий... Последний мой. Велес, господи... Велес.

Глава I7

В Е Л Е С

От голода плохо работает голова и плохо — сердце.

Нелька, совершенно раздавленная, сидит в углу. Тихо-тихо. Вчера с ней случилась истерика. Заливаясь слезами, она рассказывала Велесу историю, приведшую её в лагерь. Говорила громко — не только ему, всем. Все должны слышать, знать о том, что она, Нелька, пожертвовала собой, приняв на себя вину другого, близкого человека, и добровольно замуровала себя на острове.

Это была не истерика, нет. Всего лишь попытка раздавленного человека собрать себя по кусочкам и подняться. Наивная, подсознательная надежда, что, узнав о её самопожертвовании, люди забудут, простят ей вчерашнее. И она займет свое прежнее место в их мнении. И в своем. Но нет, вернуться назад невозможно... Её не пустят назад.

Велес обнимал её, шептал какой-то утешающий бред. Но что он мог один?.. После того, как Губи, поговорив с Нелькой несколько минут наверху, наклонился над входом и вежливо сообщил, что ему стало известно о существовании хода и что он обязательно покарает зачинщиков, только немного позже, — после этого такой сильный и непробиваемый вакуум презрения окружил Нельку, что впору задохнуться и повеситься.

Нуж ладно, Малюс и Лиаверис, что ждать от них — но Арша? Мудрая женщина... Почему она отвернулась и заглодела, как статуя? Неужели какой-то малости не хватало? Какой-то сущей ерунды в сравнении с её большой мудростью...

Велес поворачивал нелькино лицо обеими руками к себе, твердил, что это была игра, ложь, что Губи прекрасно знал о существовании хода... Он умолял её забыть, напевать, заклинал, проклинал Губи. Но что он мог один, когда рядом было трое смертельно холодных в своем презрении?

Никакими силами Нельку уже не вытащить. Она ушла в себя с головой, как когда-то Гатынь в ожидании смерти. Страх смерти — сильная штука. Стыд, оказывается, не слабее.

Нелька, девочка моя светлая, как же быть с тобой?.. Как быть с тобой, если даже я, старый идиот, уже не смогу относиться к тебе по-прежнему?..

Чем держатся люди в такой вот безысходности и темноте? Кто чем. Лиаверис поддерживает мысль, что Лешен на свободе. И еще она хорошо и подолгу поет.

(Не очень громко, но сильно и протяжно, так что песня заполняет все маленькое, темное пространство и струится наверх сквозь земляные щели. Она поет так подолгу, что все успевают привыкнуть к её голосу, словно он был всегда, как темнота или заткный воздух. Голос её, он чуть-чуть заменяет свет, простор и свободу).

Малюс держится мыслью, что Лиаверис есть чем держаться. Что она жива и стойка, и поет.

Арша, кажется, обрела еще одного друга. Велес втайне мучается завистью, потому что друг этот — Иштас. Неуловимый, страшный, заветный... Прирученный Аршей.

Вылезая временами подышать свежим воздухом, Велес слушает их разговоры. Всё так мудро и сложно. Абсолютная свобода, которая есть смерть, или нирвана, или... Иштас, куда ты идешь? Иштас?.. Непривычно вопрошительные интонации в голосе Арши, такая странная, такая новая мука недо- (вот-вот, самую малость, уже на подходе...) — понимания на лице. "...Так как же, Иштас?.." "...Пока не хочу, Арша. Ты же знаешь, я делаю только то, что хочу..." Делаю только то, что хочу.. Какой же чудак этот Иштас. Воображает, что кто-то в мире поступает по-иному...

За Гатыня Велес сильно был благодарен Иштасу и Арше. До вчерашнего вечера. Потому что вчера вдруг навалилась такая тоска и такая

тяжесть, что он понял: Гатынь худо. И ничем не помочь, не спасти, не вызволить... Велес лежал, отвернувшись к стене, зашмурившись, склавшись в комок, и молил, чтобы никто не подошел к нему, не зацеплял разговором...

Гатынь... Совсем недавно он был здесь. Лежал на соседних нарах, глядел широко открытыми глазами в темный потолок и представлял, должно быть, себя мертвым. С такими же открытыми, коричневыми глазами, на которые осыплются сверху земляные комочки. И глаза не моргают, не закрываются — они наполняются постепенно землей, утрачивая под ней свой влажный, коричневый блеск. Холодно.

. . . . .

После полудня за Велесом пришли. Сильный, длиннолицый парень сообщил, что Губи требует его к себе. На разговор.

Велес шел вслед за ним по лесу, пошатываясь от слабости, не поспевая за его шагами. Очаровательный выдумщик и игрок Губи требует его к себе... Что стоит за этим любезным приглашением? Какой-нибудь сюрприз, не иначе...

Он останавливался передохнуть, опираясь о стволы деревьев. Задира подбородок, морщился, жмурился. Жизнь, господи... Какая жизнь вокруг... Он пробовал её на вкус, эту пружинящую под ногами жизнь, продираясь сквозь чащу, смеясь от резких, щекощущих касаний веток, срывая зубами терпко-горькие листья... "Господи, жить..."

Губи ждал его на том же месте, на той же уединенной скамейке. Кивком головы отослал парня, и они остались вдвоем.

— Тихий момент у меня сегодня, Велес. Присядь рядом.

Велес сел. "Оказывается, уже осень, — думал Велес. — Подступила так незаметно, попрошайка... Губи, черт бы его побрал, как он мне надоел..."

— Не знаю даже как и начать. Ты, Велес, только слушай внимательно и правильно меня пойми. — Губи задумался, словно подбирая слова. Узкое, подвижное лицо его непривычно спокойно и серьезно. — Я хочу уйти. Да, да, совсем уйти, — ответил он на вопросительный взгляд Велеса. — Выйти. И я прошу тебя помочь мне немного в этом.

Печальный, серый, серьезный глаз на осунувшемся, усталом лице.

— Я сильно устал, Велес. Устал играть не свойственные мне роли. Изображать кровожадность. Любовь к власти. Звериную жажду разрушения... Мне надоело играть в вечные мои игрушки — людей. Мне надоело, Велес, а кроме этого — ничего больше нет. Нечем больше заняться на этом свете.

Губи коротко взглянул Велесу в лицо. "Ты понимаешь?" — словно спрашивал его взгляд. Велес нахмуренно и отстраненно молчал.

— Устал, надоело — но я бы это стерпел. Хуже другое — играть стало не во что. Все игрушки поломаны, или вот-вот рассыпятся при первом прикосновении. Впереди — пустота. Почему я не могу уйти сам, ты спросишь? Почему мне требуется твоя помощь, твои руки? Наверное, я боюсь сам. Наверное, я люблю тебя больше других...

Губи замолчал. Велес по-прежнему не смотрел на него. Тоскливо-обреченное выражение проступило в его лице. Велес плохо владел своим лицом. "Как он мне надоел..."

— Итак, — Губи выпрямился и заговорил по-деловому, — смерть я себе выбрал самую эпикурейскую. Приятно и быстро. Минут пять займет у нас с тобой эта процедура. — Он вытащил из кармана листок бумаги и протянул Велесу: — Вот. Здесь объяснительная записка. Передай Симону, он знает мой почерк. Никаких неприятностей с тобой после этого не будет. Кстати, здесь же написан приказ выпустить тебя и всех твоих на свободу, и оставить в покое.

— Велес машинально взял листок, развернул его, прочел и засунул в карман. Губи, оживившись, с разгоревшимся глазом, приступил к объяснению процедуры.

— Это проще простого. Не держись так скованно, Велес, свободней... — Он взял его ладони и, запрокинув голову, приложил к своей шее, — вот так, надо сжать сильнее ребром сонную артерию, понимаешь?.. Надавить и держать. Через пару минут мне станет хорошо, я отрублюсь, уйду. Но ты держи, не ослабляя, еще минут пять, чтобы мне не очухаться. Чтобы наверняка.

Велес убрал руки и спрятал их за спину.

— Ну нет, Велес, будем без репетиции, — Губи снова взял его ладони и прижал к шее, — будем без проб и ошибок. И без долгих прощаний. Хоть и тяжело мне с тобой расставаться... — он подмигнул своим ослепительным, сияющим глазом и улыбнулся. Потом закрыл глаза: — Поехали.

Велес сдвинул ладони. Лицо Губи было совсем близко. Незнакомое, беззащитное, с опущенными веками. Какое-то юное и усталое одновременно. Прсеженное. С темными шелковыми ветвями бровей... Велес с любопытством разглядывал это лицо, словно читая его, вникая.

Вот лицо резко побледнело, тело Губи обмякло, привалилось к спинке скамейки, глаза закатились. Он потерял сознание. Еще три секунды Велес вглядывался в это белое лицо. Потом разжал руки.

Щеки медленно розовели. Глаз приоткрылся. Потусторонний, сонно-

бессмысленный. Губи глубоко вздохнул и выпрямился.

- Ну нет, так не пойдет, - сказал он, мотая головой, словно отгоняя от себя потусторонние видения, просыпаясь. - Мы так не договаривались, Велес. Чтобы ты гонял меня туда и обратно... Нет. Надо сразу.

- Тебе придется обратиться к кому-нибудь другому, Губи. Я не сумею, - сказал Велес. - Я не смогу, к сожалению, тебе помочь.

Губи виновато улыбнулся.

- Я знаю, Велес. Я знаю, что тебе это трудно. Надо учиться преодолевать трудности. А другого я не хочу. Я хочу, чтобы твои, Велес, теплые руки перевели меня на ту сторону... Другого не надо.

Губи помолчал, раздумывая. Лицо его подобралось, затвердело.

- Тебе трудно без стимула, Велес. Я понимаю. Придется тебе помочь. Вот тебе стимул: ты отправишь меня на тот свет, а если не сможешь, не справишься, я тотчас прямо здесь отдам приказ... Отдам приказ уничтожить тех четверых, ожидающих тебя под землей.

Велес застыл. Вот оно, начинается... Вот он и повел игру, гениальный, расчетливый, азартный игрок Губи...

Отчего такой холод внутри? И что-то звенит, звенит... И душу стягивает ознобом.

- Договорились? Слов на ветер я не бросаю, ты знаешь. С ними будет то же, что с Гатынем, с твоими друзьями. Сегодня же вечером.

Губи устало провел рукой по лицу. Откинулся на спинку скамейки.

- Как они изматывают, эти приготовления... колебания твои, Велес. Если б ты знал... Поехали.

Как плохо слушаются руки. Чужие, деревянно-застывшие... Что-то детское в его лице, маленьком, спящем... Темная полоска усов над приоткрытой верхней губой. Лицо белеет стремительно, красиво - ~~железобетонное~~ черное на белом-белом...

Под ладонями его - теплая, живая шея. Толчки крови, ритмичные, упорные... Жизнь под его стиснутыми ладонями упрямо пытается пробиться, негодует... Надо крепко держать руки, не разжимая, крепко. Жизнь... пытается пробиться... стучится в его пальцы.

Надо держать во что бы то ни стало!!!..

Жизнь...

Велес разжимает руки.

Огромная тьма с воем и звоном набегаёт на него откуда-то, опрокидывает и топит. Уносится в пропасть сердце, глубоко-глубоко, навеки...

Глава 18
И Ш Т А С

Велес очнулся и долго лежал без мыслей и движения. Потом всё вспомнил.

Было темно. Не то ночь, не то подземелье. Тусклая свеча на столе. И много-много боли. Болело всё тело, равномерно окружая его болью. Велес словно купался в ней.

Он попробовал пошевелить рукой, но не смог. Чуть застонал сквозь зубы.

Чья-то фигура выросла в дверном проеме, подошла к нему. Это Иштас. Сухая ладонь легла на лоб Велесу.

- Как ты себя чувствуешь, Велес?

- Сносно. А как... остальные?

- Остальные в порядке.

Иштас подходит к столу, закуривает от свечи и садится у изголовья. Немного словен и отрешен, как всегда.

- Отчего темно, Иштас? Сейчас ночь?

- Сейчас поздний вечер.

Не молчи, Иштас, ради бога. Темнота - и к ней твоё молчание? Расскажи...

. . . . .

- ...Он рассказывал всё это мне, Велес, но не для меня. Для тебя. Чтобы я запомнил и передал тебе. Я это понял. "Три человека, - сказал он, - здесь есть, которых невозможно сломать. Это Будр, Велес и ты, Иштас".

- Будр?..

- Будр. "Ни с кем, - он сказал, - не было у меня такой потрясающей и запредельной игры, как с Будром. Его смерть, к сожалению, была необходимым звеном в этой игре. Без неё ничего бы не вышло. Но мы расстались довольные друг другом. В этом я заверяю..." Он не сказал, в чем была игра и кто такой Будр, нет. Но он вспоминал его, словно инопланетянина, с такой смесью удивления, восхищения и приязни...

"А ты, - он сказал, - нулевой вариант. Единственный, кого я не трогал, ибо знал наверняка, что безнадежно".

- Почему безнадежно, Иштас?

- Безнадежно что-либо изменить во мне. Сломать, как говорит Губи. Нелепо и неинтересно играть, зная наверняка, что проиграешь. Поэтому

он не трогал меня. "А Велес, — сказал он, — о... Велес... У нас с ним так много общего — я тоже совершенно не способен убить человека".

— Он не способен?! А как же...

— Они все живы, Велес, если ты имеешь в виду своих друзей. В разных степенях жизни, но живы. Нет только Будра. Но это — необходимое следствие запредельной игры. Я спросил его: "Но ведь то, что ты делаешь, хуже убийства? Ты не лишаешь ни жизни, но превращаешь её в проклятие и обузу". И он согласился: "Верно. То, что я делаю, — хуже всего на свете. И смерти в том числе". А с тобой, Велес, игра была последней и самой заветной. "Я вложил в неё всю душу, — сказал он, — и теперь мне придется уйти при любом исходе. Если б он проиграл и сломался, я бы ушел от его руки. Если он выдержит..."

— В чем заключается мой выигрыш и выдержка, Иштас?

— Не убить и не умереть. Ты не смог убить и не умер сам, Велес. Губи попросил меня помочь ему уйти. "К самоубийству я так же органически не способен, как и к убийству", — сказал он. Теперь он ждет меня. Ждет, чтобы я рассказал ему о тебе, сказал, что ты жив, не сошел с ума, и продолжаешь хотеть жить.

— А ему обязательно надо уходить, Иштас?

— Он сказал, что да. "Силы разрушения во мне настолько сильны и голодны, что теперь, когда разрушать больше некого, они обратятся на меня самого. Они передерутся и выцарапают друг другу глаза, все мои внутренние люди, получится страшный гомон, самопожирательное чудовище... Но всё это интересно только в первые моменты, всё это уже есть, уже скучно..." Но главная причина — ты, Велес. "Я люблю его больше всего на свете, — сказал он. — После того, что я с ним сделал, оставаться нельзя".

— И ты поможешь ему уйти?

— Да. Сейчас я пойду к нему, расскажу о тебе и выполню его просьбу. Только надо еще, Велес, чтобы ты узнал, что он с тобой сделал. Он играет до конца, Губи. До предела. Пока ты был без сознания, он приказал ампутировать тебе руки и ноги. Полностью. Сейчас ты пока ничего не говори мне. Полежи минут десять, а потом скажи, хочешь ли ты и будешь ли ты жить. Без твоего ответа Губи никак не сможет уйти. Он ждет.

... ..

В каждом человеке под куполом одной черепной коробки живет много людей. Существует иерархия в их тесной группке, благодаря которой человек не рассыпается, сохраняет единство и наполняет смыслом понятия "личность", "характер". Но если дать им выговориться всем... Если разглядеть, осознать и выслушать каждого...

Определение "ауто-повесть" означает, что все герои её — герои одного сознания. Детективный сюжет нужен для того, чтобы они могли максимально выложиться, проявить себя до конца.

Странное существо человек всегда интересовался собой в самую последнюю очередь. Хотя это так нетрудно и так спасительно.